

СЕБАСТЬЯН

Rosland || Переводы романов

Ее колдун-защитник ★ №2

Хейзел Хантер

Николетт Эрлинг выживает, прячась на виду. Пока она переезжает из города в город, притворяясь экстрасенсом при передвижном цирке, ее настоящие способности викканки остаются в тайне — для всех, кроме Себастьяна.

Майор Себастьян Коркоран из Корпуса Магов превратил Николетт в свой личный проект. Хотя он и твердо намерен вернуть прекрасную мятежницу в безопасное викканское сообщество, он оказывается совершенно не готов к пылкой страсти, вспыхивающей между ними.

Отчаянно желая держаться сама по себе и не имея возможности оставить позади жестокое прошлое, Николетт не может позволить себе влюбиться в Себастьяна. Когда долг вынуждает его вернуться в Корпус, он не может увезти ее силой. Но сумеет ли он оставить ее беззащитной перед врагами, которые могут явиться в любой момент?

Хейзел Хантер

Себастьян

Над переводом работали:

Перевод: Rosland

Русификация обложки: Alena Alexa

Ворота открылись всего несколько часов назад, но Николетт уже мечтала о перерыве. В потоке посетителей образовалось временное затишье, и она поспешила насыпать еще немного кошачьей еды Карасу. Он шумел на своей жердочке и выглядел таким же беспокойным, как и она сама, и Николетт позволила ему пару раз ткнуться головой в ее ладонь.

— Переживем сегодняшний вечер, а потом нас ждет долгое валяние в постели, хорошо, красавчик?

Африканский пегий ворон захлопал своими черно-белыми крыльями, как будто сообщая ей, что он думает обо всем этом вздоре, и Николетт утешительно почесала его грудь. Работы никогда не становилось меньше, и она не делалась легче, но когда ее питомец закашлял, извещая о том, что к шатру кто-то приближается, Николетт вновь шмыгнула за столик.

Вошедшая парочка была молодой. Николетт предположила, что они пришли из близлежащего колледжа. Они поморгали, привыкая к темноте шатра, и заняли свои места напротив нее, выглядя одновременно боязливо и заинтересованно.

— Мы не хотим слышать фальшивый акцент и все такое, — сказал парень. — На самом деле мы не верим во всю эту чушь.

Николетт натянуто улыбнулась и вместо этого повернулась к девушке.

— Как насчет вас? — спросила она, и нет, в ее голосе практически не было акцента, если не считать легкой резкости в гласных на нью-йоркский манер. Нью-Йорк был почти десять лет назад, и все изменилось.

— Я? — пискнула девушка. — Что вы имеете в виду?

— Вы тоже думаете, что это чушь?

Девочка нервно расхохоталась, и парень закатил глаза. Не требовалось никакой магии, чтобы понимать, что они из себя представляют.

— Я, эм... не знаю. Наверное, я отношусь непредвзято, — сказала она.

— Ах, это замечательный подход, — сказала Николетт, позволяя своему голосу прозвучать чуть более тепло. С непредвзятым отношением можно было работать.

— Я не притворяюсь, что вхожу в контакт с духами, — сказала она, хотя к иным людям обращалась иначе. — Я просто чувствую вещи, и некоторые из моих инструментов позволяют мне видеть то, что другим недоступно.

Мальчик, казалось, был настроен скептически, но достаточно охотно выложил на стол пятнадцать долларов. Николетт заставила их исчезнуть и разложила свои карты таро. Много лет назад она украла их из книжного магазина в Сиэтле и некоторое время нарочно терла их и сгибала, чтобы они начали выглядеть потрепанными.

Тасуя карты и объясняя парочке их долгую хвастливую историю, Николетт позволила своему сознанию раскрыться и расшириться. Она переводила взгляд между картами и лицами молодых людей, позволяя себе сосредоточиться. Всего несколько мгновений спустя она заметила знакомое завихрение цветов возле их голов.

Цвета девушки были неизменно мягкими — розовый, аметистовый и коралловый. Однако сквозь мягкость этих оттенков пробегали вены серебристого цвета. Девушка была нежной и милой, одобрительно подумала Николетт, но эта серебристая вена говорила об

амбициях и ярости. Парень, напротив, представлял собой тусклое болото бежевого и серого, заляпанного и испачканного неприятным оттенком зеленого. Его цвета были куда более стандартными, когда дело касалось людей, часто проходящих к Николетт, и зеленый тоже был хорошо ей знаком.

Она разложила карты и с радостью увидела, что выпала семерка мечей. В каком-то смысле все стало проще.

— Эта карта означает обман, — сказала она, следя, чтобы тон ее голоса звучал почти скучающе. — Кто-то пытается выйти сухим из воды.

Едва эти слова сорвались с ее губ, как парень вздрогнул, а девушка тут же покосилась на него, прищурившись.

Ах, хорошо. Хоть он и вскружил ей голову, но похоже она не идиотка.

— Обман выражается во многих формах, — продолжила Николетт. — Но в большинстве случаев он прост и глуп. Его достаточно просто вычислить и еще проще устранить из своей жизни.

Последние слова она адресовала девушке, и тут же увидела, как розовый в ауре девушки сменился кроваво-красным. Аура парня сделалась тошнотно-зеленого оттенка, и Николетт поняла, что права.

— Готова поспорить, так и есть, — тихо произнесла девушка. — О чем еще это говорит?

После этого Николетт придерживалась исключительно карт. Ей нравилось гадать на картах таро. Хоть ее истинная способность заключалась в чтении ауры, карты все равно были превосходным инструментом. Они сводились к схемам, и стоило лишь показать людям схему, как в остальном они делали всю работу за тебя.

Парочка ушла, но прежде девушка оставила еще пять долларов чаевых. Она выглядела так, будто собирается пуститься во все тяжкие и устроить своему парню настоящий ад, и Николетт безмолвно ее приободрила.

Глава 2

Себастьян наблюдал, как молодая парочка выбралась из шатра. У них обоих смутно угадывался иной язык тела по сравнению с тем, как они входили. Он улыбнулся, когда они резко влились в толпу. Способности Николетт иногда производили такой эффект. И хоть Себастьян говорил себе, что наблюдает за ее шатром именно для этого — чтобы определить масштабы ее способностей — он знал, что это не совсем правда.

Внутри шатра перемещались тени, и он знал, что та, что слева, принадлежит ей. Даже ее силуэт обладал классической красотой, поразившей мужчину с первого взгляда. Он как будто пришел из другой эры, как и ремесло, которое она практиковала. Себастьян зачарованно наблюдал, как эхо иных мест и времен, иных карнавалов и фестивалей сплавлялось воедино. Но когда две темные тени заняли свои места, он вернулся в реальность. И хоть Корпус Магов не требовал, чтобы он лично испытывал ее таланты, Себастьян вдруг задался вопросом, каково будет сидеть напротив нее.

Глава 3

Следующие посетители сложностей не вызвали, а последний, веселый однорукий старичок, даже заставил ее улыбнуться.

— Что такая очаровательная девочка, как ты, думает о том, чтобы убежать со мной, а? Ты путешествовала с цирком, но может, ты предпочтешь убежать с чуваком, возглавляющим местное историческое сообщество. Давай, можешь забрать с собой свою чокнутую птичку.

Николетт подавила искренний смех и из любопытства проверила его ауру. Она была глубокого свинцово-синего цвета, хорошая и сильная, но по краям можно было заметить грязновато-серый оттенок. *Депрессия*, подумала Николетт, *возможно, даже скорбь*.

— Сегодня я не могу пойти с вами, — сказала она, — но кто-то другой непременно скажет «да».

— Ты так думаешь? — он театрально вздохнул. — Что ж, я немолод, я старею с каждым днем. Вообще-то я получил свое «да» сорок лет назад, и хоть и надеюсь на что-то, но не удивлюсь, если окажется, что на этом все кончилось.

У Николетт заныло сердце, и она взяла руку мужчины, разворачивая ее ладонью кверху.

— Нет, видите, какие у вас сильные линии любви и жизни? Жизнь долгая, и любовь ей сопутствует.

Его ответная улыбка была сладкой как мед, и он бережно сжал ее руку.

— Хорошо, раз ты так говоришь, красавица. Надеюсь, у тебя все так же.

Он ушел, и в перерыве Николетт сидела и обдумывала его слова, позволяя им повиснуть в воздухе, пока Карас не слетел с жердочки и не уселся на ее плече.

— Что, ты беспокоишься, что он составит тебе конкуренцию за мое внимание, милый? Не беспокойся, ты самый красивый мужчина из всех, кого я знаю.

Ворон самодовольно расцвел от ее слов, но потом он нервно запрыгал, распушившись до размеров баскетбольного мяча. Кашляющий звук, который он издал, послужил предупреждением, и Николетт подняла взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть своего нового посетителя.

В шатер вошел мужчина и тут же словно высосал весь воздух из комнаты. Он попросту занимал так много места, что Николетт ощутила, как по позвоночнику пробегает укол паники. Ее мать сказала бы, что это гусь прошелся по ее могиле, но по ощущениям это скорее напоминало, будто кто-то хочет засунуть ее в эту самую могилу.

— Вы гадалка?

Слова прозвучали глухо, как будто сразу после произнесения увязли в смоле. Николетт ответила не сразу.

— Да... да, я мадам Николь. Прошу, расскажите, чего вы ищете этим вечером.

Торопливая речь прозвучала фальшиво даже для ее собственных ушей, но громадный мужчина, казалось, не заметил. Он опустился на сиденье напротив нее, но даже так было сложно по-настоящему видеть его. Он был одет в джинсы, клетчатую рубашку и бейсболку — все крайне обыкновенное для толпы, которую цирк обслуживал этой ночью. Но он нехорошо носил эту одежду.

Как маскировку, подумала Николетт, задрожав, и заставила себя успокоиться. Она и раньше встречалась со странными и опасными людьми, и по большей части они просто направлялись куда-то по своим делам. Ничто не подсказывало ей, что пора звать охрану. Пока что.

— Я ищу свою судьбу, — сказал мужчина и протянул руку.

— Вы хотите, чтобы я прочла вашу судьбу по ладони? — спросила она, не касаясь его руки. — Это будет стоить тридцать долларов.

Николетт удвоила цену, надеясь, что он уйдет, но вместо этого мужчина вытащил небольшую пачку сальных банкнот по пять и одному доллару. Она забрала деньги и неохотно взяла его ладонь.

— Вы мужчина, который очень упорно работает над тем, чем занимается, — начала она. — Вы из тех, кто верит в хорошее и плохое, и что вы стоите на стороне ангелов.

Смех мужчины прозвучал как-то мрачно.

— Так и есть, так и есть, мадам. Расскажите, что еще вы видите.

Николетт читала ладони от Южной Дакоты до Галфа, но не припоминала, чтобы когда-то ей было так неприятно держать чью-то руку.

— Я вижу позади вас жизнь, полную жертв. Какие-то сожаления, какие-то радости. Вы двигаетесь вперед, несмотря ни на что, и каждый день приближает вас к тому, что вы ищете.

— Так и есть, мадам. Скажите, насколько я близок к тому, что ищу?

— Вы скажете мне, что ищете? Так мне будет проще понять...

— Я ищу женщину, — сказал он, перебивая так, как будто намеревался высказать все это с самого начала. — Она скрывается уже очень долго, но я уверен, она не может бежать вечно.

— Это...

— Она плохая. Порочная, и она, и ей подобные, и их нужно найти. Их нужно наказать.

Глава 5

Что-то в мужчине, приближавшемся к шатру гадалки, казалось необычным. Но когда Себастьян услышал громкий натужный смех, волоски на его шее встали дыбом. Он пристально посмотрел на их неподвижные силуэты. Что-то было не так.

Он инстинктивно подался вперед, но остановил себя. Вмешательство могло причинить столько же вреда, сколько и пользы. Встреча с ней при таких обстоятельствах — совсем не то, чего он хотел. Он сделал шаг назад.

Все инстинкты Николетт буквально кричали. Когда она попыталась убрать руку, мужчина тут же крепко ее сжал. Она не могла отстраниться, это напоминало попытки выдернуть дуб с корнем. Он просто тарачился на нее. Теперь она видела, какие темные у него глаза и какая натянутая улыбка.

Не подумав, она полностью открыла сознание, чтобы увидеть его истинную сущность, и от увиденного ее волосы встали дыбом. Аура мужчины была застывшей и тошнотворно белой с серыми пятнышками, напоминавшими какую-то сыпь. Она никогда не видела ничего подобного, и ее паника только усилилась.

— Отпустите меня, — выдавила Николетт сквозь стиснутые зубы, забыв про все представление. — Я не знаю, что за проклятую игру вы ведете, но довольно этого.

Под ее столом был спрятан нож. Она не хотела им пользоваться, но если следующими словами этого мужчины монстра не станут неразборчивые извинения, она без угрызений совести воспользуется оружием. Николетт потянулась к нему свободной рукой, не отводя глаз от лица мужчины, наблюдая за ним в ожидании искорки жестокости или намека на то, что он предпримет дальше. Карас съезжился на ее плече и зашипел как змея.

Мужчина улыбнулся и раскрыл рот, но тут край ее шатра приподнялся.

— Мне сказали, что здесь мне предскажут будущее, и я не удержался, — протянул мужчина, и внезапно вся зловещая атмосфера испарилась, точно ее и не было.

Мужчина-монстр отпустил ее руку, как будто никогда и не хватал ее. Теперь он стоял, разглядывая новоприбывшего со смесью презрения и отвращения.

— Предсказание будущего — ведьмовское искусство, женское искусство, — произнес мужчина с белой аурой своим смоляным голосом. — Настоящие мужчины не имеют к этому отношения.

— Настоящие мужчины, — спокойно ответил новоприбывший, — не говорят о том, что женщин нужно наказывать.

Он отступил в сторону, чтобы выпустить мужчину из шатра. Бросив яростный взгляд сначала на Николетт, а потом на новоприбывшего, мужчина-монстр вышел. Когда за ним опустился край шатра, Николетт почувствовала, что вновь может дышать. Ей хотелось лишь безвольно рухнуть и зарыдать от облегчения. Хотя она и понимала, что это глупо, у нее все равно было такое чувство, будто она избежала чего-то темного и глубинного, чего-то, что хотело утянуть ее в грязь.

Карас легонько покусывал мочку ее уха в знак утешения, и Николетт протянула руку, чтобы коснуться его. Он успокоился, как только тот мужчина ушел, и теперь приводил в порядок перышки, одновременно успокаивая хозяйку.

Вместо того, чтобы спросить, в порядке ли она, новоприбывший сел на стул напротив. Он позволил ей вернуть самообладание, якобы изучая ворона на ее плече.

— Это африканский пегий ворон? — спросил он.

Николетт машинально улыбнулась.

— А вы разбираетесь в семействе вороновых.

— И молодой. По крайней мере, выглядит новеньким и сияющим.

Николетт хихикнула, немного расслабившись.

— Так и есть. Он был еще птенчиком, когда я нашла его на блошином рынке. Какой-то

ужасный мужчина засадил его в маленькую клетку с одними семенами подсолнечника. Можете себе представить?

В уголках глаз незнакомца собрались морщинки, когда он улыбнулся. И хоть Николетт всегда держалась настороже с мужчинами, особенно с клиентами, она позволила себе оттаять.

— Я так понимаю, ваше сердце не смогло этого вынести, — сказал он, — и вы тут же его спасли?

— Полагаю, я обязана была это сделать, — ответила Николетт.

На самом деле она скорее загнала торговца в угол за его фургоном и пугающими намеками угрожала ему тем, в чем он чувствовал себя крайне виноватым. В конце концов, он готов был отдать ей фургон со всем его содержимым, не говоря уж об одной пораненной экзотической птичке.

Николетт сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и вернулась к профессиональному поведению, оценивая мужчину перед собой.

Он был высоким и стройным, его телосложение говорило о силе и ловкости. В приглушенном освещении Николетт видела, что его короткие волосы темны как чернила, глаза большие и смотрят дружелюбно, хотя она и не могла определить их цвет. Одетый в черные джинсы и черную футболку, он выглядел небрежно и непритязательно, как и любой другой на оживленной улице, но было в нем что-то еще.

— Нравится то, что вы видите? — спросил он, и в его голосе звучали нотки веселья.

Вместо того чтобы покраснеть или начать заикаться, как сделала бы это еще несколько лет назад, Николетт позволила своему взгляду вновь медленно пройти по его телу. Тут многое могло понравиться. Она позволила лицу расплыться в медленной улыбке.

— Думаю, я оставлю свое мнение при себе, пока не прочту ваше будущее. Вы оказали мне услугу. Хотите бесплатное чтение по руке?

К ее удивлению мужчина покачал головой.

— Там, откуда я родом, принято платить людям за их таланты, — сказал он. — Если вы потрудитесь использовать свой дар для меня, я заплачу. В былые дни мы покрывали руки наших гадалок серебром. У меня серебра маловато, но для меня стало бы позором просить вас гадать без оплаты.

Он открыл бумажник, достал две купюры, и Николетт с удивлением увидела, что это две двадцатки. Красивый и к тому же, очевидно, богатый. Лишь с легкой ноткой настороженности она убрала деньги в свое просторное одеяние и принялась тасовать карты.

Карты издавали свой знакомый, неподвластный времени шелест, и Николетт внимательно посмотрела на мужчину.

— Чего вы ищете? — спросила она. — Вы ищете совета относительно будущего, здоровья, денег? Возможно, вас интересует любовь.

Его смешок прозвучал обрывисто, но дружелюбно.

— Я ищу всего, что вы можете мне рассказать, — сказал он, и в его словах она не уловила никакой фальши. — Я ищу... ну, я ищу направление.

Хоть мужчины по всей стране использовали ее представление как предлог для слишком дружелюбного поведения, какая-то часть ее была разочарована тем, как отстраненно он держится. Николетт проглотила это странное чувство и положила перед ним карты.

— Снимите три раза, пожалуйста. Важно, чтобы карты понимали, кто вы и в чем нуждаетесь.

С легкой улыбкой мужчина выполнил ее просьбу. Забирая карты обратно, Николетт слегка задела его руку своей. Между ними пробежал столь сильный заряд электричества, что она едва не отдернула руку. Но так же быстро ее остановила мысль о прекращении контакта с ним. Она прочистила горло.

— Давайте посмотрим, что мы сумеем выяснить для вас, — произнесла она слегка хрипловатым голосом.

Николетт растягивала момент как тягучую ириску, чувствуя, как за ней наблюдают его пронизательные глаза. И вновь он позволил ей смотреть, но его взгляд изменился. Хотя на его губах все еще осталась тень улыбки, его глаза как будто засветились изнутри. Его лицо выражало желание столь же явно, как если бы он сказал о нем вслух. Была какая-то власть в том, чтобы наблюдать, как он наблюдает за ней. Николетт позволила этой власти омыть себя, неуловимой, но реальной. Наконец, она вытянула первую карту.

На ней был молодой человек, поднявший взгляд к небу, у его ног сидела собака. Он воплощал бы собой идеальное изображение мужчины в поисках приключений, если бы не был готов вот-вот шагнуть с обрыва.

— Шут, — пробормотала Николетт. — Новое начало. Нечто непредвиденное приближается к вам, и довольно быстро.

— Я должен увидеть в этом обидный намек? — спросил мужчина.

Она улыбнулась.

— Все нет. Шут — это карта, которая открывает новые двери. Когда вытягиваешь ее, может случиться что угодно. И это хорошая карта.

Вытащив вторую карту, Николетт нахмурилась. На ней была высокая башня, разрушаемая ударом молнии. С нее падали два человека, их нарисованные лица исказились от ужаса.

— Башня. Вы пришли из места, полного хаоса и кризиса.

— Разве не все мы оттуда?

Голос мужчины звучал легко, но в нем чувствовалось напряжение. Его глаза, казалось, сосредоточились на двух фигурках, падающих с высоты башни.

— Нет, не все приходят из места, полного боли, — мягко сказала Николетт.

Присутствие Башни беспокоило ее. В колоде таро в принципе не было плохих карт, но Башня была тяжелой, незыблемой. Она воплощала освобождение от иллюзий и руины, ужас и боль.

— Это в вашем прошлом, но это окажет влияние на ваше будущее, — сказала Николетт. — Присутствие Башни невозможно и не нужно игнорировать. В противном случае вы рискуете вернуться назад. Вы несете с собой эту боль и по сей день, и будете нести, пока не отпустите ее или не решите проблему.

Мужчина слегка поерзал, и Николетт подумала, не скажет ли он прекратить. Некоторые клиенты просто уходили, когда она задевала за болезненное. Однако при мысли о том, что этот мужчина уйдет, Николетта ощутила легкий укол боли. И она бесшумно выдохнула от облегчения, когда он кивком попросил ее продолжать.

Она перевернула следующую карту и увидела колесницу с запряженными в нее двумя дикими львами. Мужчина, управлявший колесницей, выглядел одновременно торжествующим и перепуганным до смерти, и нельзя было сказать точно, то ли он контролирует львов, то ли позволяет им безудержно нестись.

— Эта карта кажется неприятной.

— Нет, — успокоила Николетт. — Интересный получается расклад. Так много Старших Арканов в раскладе говорит о его силе. Здесь задействовано много сил, не все из них дружелюбные, но и не все враждебны. Будущее будет таким, каким мы его создадим, вне зависимости от того, что говорят карты. А этот расклад говорит нам... — она вздохнула. — Колесница — это карта конфликтующих сил, едва удерживаемых под контролем. Непросто определить, то ли мужчина возьмет верх надо львами, то ли они унесут его прочь. Сейчас вы стоите на пороге периода, когда вам будет казаться, что все вышло из-под контроля. Вы будете стремиться вернуть контроль, но даже если вам это удастся, не факт, что вы сумеете его удержать.

Теперь мужчина слегка нахмурился, кончиком пальца касаясь карты. Николетт задрожала, увидев, какие красивые у него руки. Ладони того ужасного человека напоминали широкие лопаты. Этот мужчина обладал деликатным прикосновением, и хоть его руки были сильными, они не лишены изящества.

— Есть ли здесь знак, указывающий на то, чем обернется эта борьба для меня и моих друзей?

Николетт пожала плечами.

— Боюсь, на этот вопрос сложно ответить. Некоторые вещи закончатся хорошо, другие будут утеряны навеки.

— Звучит как фраза, применимая к абсолютно любой ситуации.

Николетт выгнула бровь.

— Вы можете вернуть деньги обратно, если вам кажется, что вас обманывают, — ответила она с легким раздражением.

Мужчина рассмеялся.

— Я бы никогда этого не сделал. Я не стану стрелять в гонца просто потому, что мне не угодили вести. Особенно когда гонец такой очаровательный, как вы. Прошу, продолжайте.

Когда ее разум осознал слово «очаровательный», Николетт едва не выронила карту и нарочно не подняла глаз от стола. Она медленно вытащила следующую карту, и тут они оба вскинули брови. На ней был изображен зловеще ухмыляющийся демон, а у его ног находились прикованные мужчина и женщина.

— Это уж точно выглядит нехорошо, — сказал он.

— Обычно да, — признала Николетт. — Эта карта говорит вам, почему все это происходит. Если нужен корень проблемы, вот он.

— Дьявол делает мою жизнь противоречивой?

— Нет, вовсе нет. Напротив, вас сдерживают цепи и оковы. Те вещи, которыми вы некогда пользовались, теперь используют вас. Цепи прошлого тянутся в ваше будущее, и вы должны избавиться от них, если хотите двигаться дальше.

Он покачал головой. Видел он правду в ее словах или нет, Николетт не могла разобрать.

— Это все?

— Нужно вытащить еще одну карту.

— Ладно, давайте посмотрим, пожар там или потоп.

Николетт рассмеялась, но несмотря на это понимала, что у него есть все основания испытывать легкий дискомфорт. Ему выпал сильный расклад. Пусть даже она сама лишь наполовину верила картам, они оказывались правы намного чаще, чем ошибались. И тот факт, что пока все карты были из Старших Арканов, заинтриговывал ее.

Последняя карта оказалась не из Старших Арканов. На ней был молодой человек с

красивым лицом, держащий в руке небольшой кубок.

— Это Рыцарь Кубков, — тихо произнесла Николетт. — Эта карта символизирует потенциал грядущего. Вся эта борьба и вся эта боль могут положить начало чему-то совершенно иному. Рыцарь Кубков говорит мне, что из этой боли может родиться любовь. Боль имеет свойство освобождать нас от вещей, которые мы когда-то несли в себе. Возможно, в конце всего этого вы обретете любовь.

Смешок мужчины прозвучал резко, и в нем слышалась горечь.

— С вашей стороны очень мило говорить такое. Но найти любовь...

— Жаль, — услышала Николетт свой голос. — Любовь имеет столько прекрасных обликов.

Мужчина взглянул на нее.

— Меня зовут Себастьян Коркоран, — внезапно сказал он, протягивая руку. — Кажется, впереди меня ждут непростые времена, но в конце я могу обрести... — он, казалось, подыскивал слова. — Свою личную сказку, — закончил он.

Николетт пожалала его ладонь, отчасти наслаждаясь тем, какой сильной она была, хоть это и заставляло гадать о его прошлом. Она подумывала разразиться речью Мадам Николь, но внезапно решила иначе.

— Меня зовут Николетт Эрлинг, и кажется, я верю в сказки.

На секунду ей захотелось проверить его ауру, увидеть, какие цвета там смешались. Точнее, ей хотелось знать, как повлияло на него ее прикосновение. Однако ночь еще только начиналась, и Николетт приглушила свою силу. Этим вечером она регулярно пользовалась даром, и последнее столкновение с мужчиной до Себастьяна оставило ощущение нервозности и усталости. Если она слишком часто пользовалась силой, то обеспечивала себе адскую головную боль. А это последнее, чего она хотела в данный момент.

Очевидно, почувствовав, что его забыли слишком надолго, Карас закашлялся и опустил на стол. Он бесстрашно посмотрел на Себастьяна, заставив мужчину рассмеяться.

— Великолепный маленький зверек. Ничего не боишься, да?

— У него нет на то причин. Я стараюсь заботиться, чтобы он получал все необходимое.

— Какая хорошая из вас воронья мать.

Улыбка Себастьяна была искренней, и Николетт автоматически улыбнулась в ответ. Она попыталась придумать, что еще сказать, но тут Карас принялся клевать колоду. Прежде чем она успела его прогнать, он как будто специально вытащил карту, держа ее в клюве.

— И долго вы его этому учили? — спросил Себастьян, но Николетт потрясенно покачала головой.

— Я его этому не учила. Он впервые вот так вытаскивает карту из колоды.

Николетт взяла карту у своего питомца, и ее глаза расширились. Рисунок изображал двух людей, слившихся в объятиях с выражением блаженства и обожания на их лицах. Подпись внизу карты гласила «Возлюбленные», и Николетт тут же поспешно сунула карту обратно в колоду.

— Птицы не гадают на картах, — решительно заявила она, и Себастьян рассмеялся.

— Что он вам вытянул? Смерть? Катастрофу?

— Почти угадали, — согласилась она.

На одно безумное мгновение Николетт захотелось поделиться этим, но тут она поняла, что не хочет, чтобы ее знакомство с Себастьяном заканчивалось. Существовала добрая дюжина причин остаться на месте и заработать еще денег за вечер, но была как минимум

одна хорошая причина удрать. Николетт еще раз смерила мужчину взглядом и пришла к выводу.

— Я предскажу вам будущее, — сказала она. — Дайте мне руку.

Себастьян выразительно выгнул бровь, но с готовностью протянул ей левую руку. Николетт взяла его ладонь, но вместо того, чтобы изучать линии, она посмотрела ему прямо в глаза.

— Вам поступит предложение провести вечер с гадалкой. Она покажет вам все ходы и выходы в этом цирке и возможно согласится на ужин, если вы умело разыграете свои козыри. Мое предположение — вы сделаете что угодно, чтобы умело разыграть эти козыри.

Улыбка Себастьяна была тягучей как мед, и он склонил голову.

— Какое хорошее предсказание, — пробормотал он, и его пальцы нежно сжали ее ладонь. — Хочешь переодеться или так и пойдешь, шипя проклятья и пожелания хвори остальным людям на улице?

— Это займет очень немного времени. Просто опусти край шатра и посторожи вход.

Пока он охранял шатер, Николетт повернулась и стащила с себя тяжелое бархатное одеяние через голову. Оно придавало ее образу мистические черты, но ей меньше всего хотелось разгуливать в таком виде среди людей. Под одеянием она была одета в шорты и топик, который задрался вместе с накидкой. И даже быстро одернув подол, она понимала, что ее черный бюстгальтер на мгновение выставился на всеобщее обозрение, и Себастьян это заметил.

Николетт улыбнулась в приглушенном свете, поправив топик и предложив Карасу сесть на плечо. Затем она махнула Себастьяну.

— Идем сюда, — сказала она. — Так можно будет выбраться незамеченными.

Шатер гадалки прилегал к большой постройке, в которой находился Зоопарк Необычайных Чудес, и взгляду простого обывателя казалось, что там нет прохода. Однако благодаря хитро сшитому выходу из шатра, она могла в любой момент уйти незамеченной, и именно этой дорогой повела Себастьяна.

Как только они очутились на свежем воздухе, Николетт помедлила, чтобы провести пальцами по своим черным волосам, достававшим до талии. Побеспокоенный ее резкими движениями, Карас раздраженно закаркал и взлетел, заставив Себастьяна спросить.

— Он вернется?

— Он всегда возвращается. Он умный мальчик, и он свободен. На сегодня я тоже свободна, так что давай повеселимся.

Цирк был странным местом для поиска ведьмы, но Себастьян получил весьма убедительную информацию. В пределах цирка Карсона и Чаплина действует ведьма и судя по всему довольно могущественная. Стефан, майор Корпуса Магов, введивший его в курс дела, высказался крайне недвусмысленно.

— Ты имеешь дело не с перепуганной девчонкой, которая едва-едва сводит концы с концами. По нашим данным, с цирком Карсона и Чаплина странствует настоящая мятежница. Кем бы она ни была, она достаточно сильна и умна, чтобы столько времени держаться подальше и от нас, и от тамплиеров. По правде говоря, если бы мы не думали, что ситуация становится критичной, мы бы позволили ей продолжать скрываться.

Себастьян мрачно кивнул.

— Но когда кажется, что активность тамплиеров возрастает, — сказал Стефан, — и судя по слухам, они хотят затеять очередной крестовый поход...

— ... тогда Командир хочет, чтобы все блудные цыпочки вернулись домой на насест.

— Именно, — сказал Стефан, кивая. — Просто помни, пробуй мягко, установи контакт, убедись, что она тебе доверяет. Кристалл, который я дал тебе, засветится, когда она будет рядом, но если она решит скрываться, это намного усложнит тебе задачу.

Николетт Эрлинг, может, и пряталась от Корпуса Магов и тамплиеров, но похоже, она меньше всего хотела скрываться. Едва выбравшись из шатра, в котором занималась своим ремеслом, она выглядела всего лишь как молодая женщина, которая хочет ненадолго убежать от всех своих забот.

Она — его работа, он знал это, но на какой-то момент Себастьян подумал, что нет ничего дурного в том, чтобы поступить как она — немного забить и прогулять. Нет ничего плохого в том, чтобы немного повеселиться, по крайней мере, так он говорил сам себе.

Покачивание ее косы на спине гипнотизировало, и Себастьян вынужден был признать, что в этом заключалась часть ее очарования. Без парчового платья она оказалась высокой и стройной, с узкими бедрами и атлетичной походкой, а это значит, что он все равно заметил бы ее, кем бы она ни была и в чем бы ни заключалась его миссия.

Где-то там были тамплиеры. Всю свою долгую жизнь он знал об их существовании и том, за что они борются. На самом деле, он осознавал, что каждая секунда, которую он потратил на развлечения с этой прекрасной женщиной — это секунда, которую он мог бы потратить на выполнение долга.

И все же... и все же.

Николетт обернулась, бросив на него озорной взгляд ярко-синих глаз, и Себастьян не смог устоять. Каким-то образом ее маленькая ручка очутилась в его ладони, и они шли сквозь оживленную толпу, глядя на игры, проталкиваясь сквозь скопления людей, смотря на все, на что можно было смотреть.

— Так что заставило тебя убежать?

Вопрос слетел с его губ прежде, чем Себастьян успел остановить себя, и ее спина напряглась.

— Странный вопрос в мой адрес, — сказала Николетт.

Прежде чем она успела сменить тему, Себастьян покачал головой.

— Прошу прощения. Я думал, что умею шутить, но оказывается нет. Просто

предположил, раз ты присоединилась к цирку, то, ну...

Черты ее лица слегка расслабились, и Николетт покачала головой.

— Люди примыкают к цирку по разным причинам, но для меня это всего лишь работа. Я занималась разными вещами, но в данный момент Мадам Николь мне подходит, понимаешь? А твоя работа тебе подходит?

Себастьян открыл рот, чтобы ответить, но тут понял, что не может этого сделать. Когда он заколебался, Николетт улыбнулась, и он опять оказался поражен ее красотой. Он думал о Елене, чье лицо способно сдвинуть с места тысячу кораблей. Он думал о Беатриче Данте, которая могла утешить мужчину в аду. Эта женщина могла вести мужчин в темные места, и от этой мысли по коже прошел холодок.

— Возможно, тебе тоже не помешает ненадолго убежать, — предложила Николетт. — Почему бы нам не заключить сделку?

— И что это будет за сделка?

Она поколебалась, кусая нижнюю губу. Потом огляделась по сторонам, посмотрев на продавца воздушных шариков, палатку со сладкой ватой, игру с бросанием колец, и наконец, вновь посмотрела на него. Ее глаза, синие как Северное море и штормовые, слегка окрасились серым, но когда она ответила, в ее голосе прозвучала мягкость.

— Сегодня я хочу, чтобы мы были собой. Никакого прошлого, никакого будущего. Скажем, до завтрашнего рассвета, давай просто будем собой.

— Ничего больше и ничего меньше?

— Именно. Что думаешь?

Себастьян колебался. Он был мужчиной, на плечах которого тяжким бременем лежал долг, и убежать от этого не проще, чем избавиться от собственной тени. Он утихомирил свою совесть, сказав, что эта женщина и есть его долг, что быть рядом с ней — и есть его работа.

Хрень полная, твоя работа — доставить ее куда надо, рывкнула его совесть, но в кои-то веки Себастьян запихнул ее куда подальше. Она была все там же, беспокоила его, хватая и кусая за пятки как собака, но сделалась меньше, чем она, чем эти синие штормовые глаза, меньше, чем мягкое касание ее руки на его ладони.

— Думаю, что это звучит потрясающе. Очень хорошо. Ни прошлого, ни будущего, только мы.

— Только мы, — повторила Николетт, и с теплой как сам солнечный свет улыбкой повела его через толпу.

Глава 8

Николетт лавировала через толпу, и если кто-то из артистов и обслуживающего персонала заметил, что она увивается от работы в своем шатре, то не подал вида. Единственным исключением стала Матильда, которая управляла стрелковой палаткой.

— Ну привет, незнакомка, и добро пожаловать, — протянула крупная женщина. — Хочешь, чтобы твой мужчина попытал удачи в моей палатке? Может, он выиграет тебе что-нибудь хорошенькое

Николетт возразила бы, но Себастьян просиял и повернулся к ней.

— А тебе хотелось бы? — спросил он, и она выгнула бровь.

— Ты типа Вильгельм Телль или что?

— Мы же договорились, сегодня никакого прошлого и никакого будущего. Я лишь хочу знать, хочешь ли ты приз.

— Хочу, наверное.

Николетт повернулась к витрине. Она знала, что в некоторые мишени попасть сложнее, чем в другие, и часть ее вдруг ощутила себя своенравной и смелой. Чувство было новым, и она осмотрела призы. По большей части дешевые безделушки, игрушки и хлопушки. Было несколько дорогих вещей, но Николетт знала, что игра устроена таким образом, что только невероятный снайпер мог их получить.

— Как насчет того маленького кулона?

Одним из призов был маленький золотистый кулон, сиявший посреди всякой ерунды. Пожалуй, это был самый красивый предмет на аттракционе, и Николетт уже качала головой.

— Нет, может...

— Неее, почему бы не позволить джентльмену попробовать? — Матильда подмигнула. — Посмотрим, как он справится. Ну же, сэр, давайте посмотрим, сумеете ли вы выиграть приз для своей женщины.

С непринужденной улыбкой Себастьян подошел к палатке, тщательно проверил винтовку и сделал три быстрых выстрела. Николетт думала, что он промазал, но потом и она, и Матильда изумленно уставились на него, увидев, что мишень аккуратно сбита.

— Ну, вот это нечто, — просияла Матильда, отправляясь, чтобы достать для него кулон.

— Нечто, — сказала Николетт, глядя на Себастьяна и выгибая бровь.

Он улыбнулся ей с каким-то плутоватым блеском в глазах. Теперь, в свете садящегося летнего солнца, Николетт видела, что они тоже голубые, но только бледные и льдистые, тогда как ее собственные были темно-синими.

— Никакого прошлого, помнишь? — игриво сказал он, и она могла лишь кивнуть.

Когда Матильда вернулась с кулоном, Себастьян торжественно протянул ей украшение, но она покачала головой.

— Нет, надень его на меня, — пробормотала Николетт.

Она развернулась, чтобы он мог дотянуться до ее шеи сзади.

Себастьян помедлил, и Николетт уже задалась вопросом, не слишком ли это интимно, но потом он подошел к ней сзади. Надев кулон ей на шею, он ловко застегнул его за головой, мельком коснувшись ее кожи. Его пальцы задержались на ее затылке, а потом он скользнул губами по основанию ее шеи.

— Слишком? — прошептал Себастьян ей на ухо, и от низкого рокотания его голоса по

спине пробежали мурашки.

— Вовсе нет, — пробормотала Николетт и снова взяла его за руку.

Цирк был ее домом уже больше года, и она знала его так же, как и свои карты таро. Не в ее духе было слишком сближаться с окружающими людьми, но она хорошо их знала, и они ей нравились. Она знала, где достать лучшую еду и лучшие развлечения.

Когда вечер окрасился оттенками индиго, Николетт отвела Себастьяна в главный шатер и уселась рядом с ним. Они смотрели, как воздушные гимнасты парят над рингом, и оба смеялись, когда клоуны падали и катались в опилках.

— Никаких львов и тигров? — спросил Себастьян, и она покачала головой.

— Неа, мистер Карсон давным-давно от них избавился. Он решил, что это жестоко, и создания вроде львов и тигров должны быть свободными. Но скоро ты увидишь лошадей, и они потрясающие.

Это одна из тех вещей, которые создали у нее хорошее впечатление о цирке, когда она только присоединилась. Рой Карсон был невысоким человеком с жестким характером, и даже когда дела шли хорошо, он имел свойство орать. Поначалу это ее пугало, но потом поняла, что у него просто такой характер, и почувствовала себя как дома. Он не желал видеть свободных созданий в клетках, и ее это устраивало.

Мысль о клетках вызвала горстку отрезвляющих воспоминаний, и Николетт задрожала, стряхивая их с себя. *Уходите*, мысленно приказала она своим воспоминаниям. *Сегодня вы не возьмете надо мной верх. Сегодня я хочу заняться другим.*

Как будто уловив ее настроение, Себастьян обнял ее за плечи. Рядом с его поджарым телом она почувствовала себя спокойнее. Будь она кем-то другим, Николетт сказала бы, что почувствовала себя в безопасности, но она знала, что это иллюзия. Она чувствовала, каким мускулистым он был под одеждой, и инстинктивно провела пальцами по его ребрам.

Себастьян издал звук, который напомнил ей о раздраженном кашле Караса, и покосился на нее.

— Ты пытаешься меня щекотать? — спросил он с веселым изумлением.

Николетт невинно улыбнулась ему.

— Возможно, — согласилась она. — И что бы ты в таком случае сделал?

— Пощекотал тебя в ответ, — пробормотал Себастьян. — Возможно, удерживал бы тебя неподвижно и попытался отыскать местечки, в которых ты наиболее... чувствительна.

Его слова согрели ее как хороший бренди, и в тот самый момент Николетт слишком устала бояться старых призраков и страхов. Она прижалась к Себастьяну и, увидев, как он смотрит на нее, не обращая внимания на всадников-трюкачей, она поняла, что он чувствует то же самое.

— Себастьян, ты хочешь меня поцеловать?

Она сказала это так тихо, что поначалу даже засомневалась, услышал ли он ее. Но потом его губы опустились на ее рот, и она забыла обо всех людях, которые их окружали.

Николетт целовали и раньше, и она даже полагала, что ее целовали мужчины, знающие в этом толк, но это было нечто иное. Было что-то настолько нежное в том, как он касался ее губ своими. Но в этом ощущался и оттенок чувственности. Это был нежный поцелуй, но Николетт чувствовала в его теле сдержанность. Она понимала, как легко оно может взорваться страстью, яростью и желанием.

Будь уверена, что ты хочешь этого, произнес в ее голове здравый смысл. *Будь очень и очень уверена, что можешь выпустить этого джинна из бутылки.*

Сегодня нет ни прошлого, ни будущего, напомнила себе Николетт. Есть лишь мы, лишь то, чего мы хотим, лишь то, кем мы являемся в этот самый момент.

И когда аплодисменты трюкачам достигли крещендо, она взяла его за руку и потянула.

— Идем, я хочу тебе кое-что показать.

Пока Николетт вводила Себастьяна от циркового шатра, он на мгновение задумался, что он вообще творит. Он знал, в чем заключался его долг, и уж точно не в этом. Он хотел остановить ее, сказать, кто он и почему за ней пришел, но его разум оказался затуманен ее очарованием, тем, как она двигалась и как смотрела на него. У него на языке вертелось сказать ей, кто он и почему здесь находится, но потому она обернулась, и эта мягкая милая улыбка стерла все мысли из его головы.

Завтра, пообещал он себе. Завтра будет достаточно времени сказать ей, кто он. Они оба решили, что сегодня нет ни прошлого, ни будущего, и в данный момент он знал лишь то, что хочет ее.

— Это наше кладбище техники, — сказала Николетт, указывая на припаркованные трейлеры, выстроившиеся тесным рядом.

Они служили настоящей жилой площадью людям, работавшим в цирке, и было нечто особенное в том, чтобы наблюдать, как они жили, а не за тем, что они показывали. Николетт остановилась возле маленького трейлера, на фоне остальных казавшегося незаметным, и отперла дверь.

— Это твой? — спросил Себастьян, озираясь вокруг.

Может, он и был достаточно маленьким для нее, но выглядел так, будто рухнет под малейшим весом.

Николетт широко улыбнулась.

— Не волнуйся так. Я не буду пытаться запихнуть тебя внутрь. Я всего лишь хотела зайти и забрать кое-что.

Она исчезла в трейлере, а когда вернулась, то вынесла с собой охапку одеял.

— Идем, я хочу показать тебе одно место.

Озадаченный Себастьян забрал у нее одеяла и последовал за ней в ночь. На горизонте виднелось слабое оранжевое свечение города, но в остальном над полями висела бархатная тьма цвета индиго. Светлячки тут и там посылали сигналы в ночи, и Себастьян осознал, что не помнит, когда в последний раз находился на улице без угрозы нападения.

Корпус Магов занимал все его время, и он сам предпочитал такое положение дел, но в том, чем он занимался сейчас, было нечто прекрасное и умиротворенное. В данный момент он был мужчиной, впереди и позади которого не было ровным счетом ничего, а от возможностей щемило в груди.

Когда они добрались до уединенного местечка, скрытого за останками каменной стены, Николетт остановилась и забрала у него одно одеяло. Расстелив их на земле, они общими усилиями сделали удобную постель. Она растянулась на ней во весь рост.

Глядя на нее, Себастьян видел в ней что-то мягкое и ждущее, и когда он лег рядом, она пристроила голову под его подбородком, как будто они проделывали это уже тысячу раз.

— Ты счастлив сегодня? — прошептала Николетт.

Себастьян на мгновение задумался. Он не помнил, когда в последний раз кто-нибудь спрашивал его об этом. Он понял, что хочет сказать ей правду. Он никогда не хотел ей лгать.

— Я... да. Как насчет тебя?

Ее смехок был тихим и, возможно, чуточку грустным.

— На сегодня я счастлива. Завтра... ну, завтра само о себе позаботится.

— Николетт...

У него на языке вертелось сказать ей, кто он и что ему от нее нужно, но когда он открыл рот, чтобы озвучить это, она прижалась к нему губами, и Себастьян оказался потерян.

Николетт продлевала поцелуй как могла. Ей не хотелось переставать целовать этого мужчину. Она никогда не хотела отнимать свои губы от его губ или отстраняться от него. Прошло так много времени с тех пор, как она кого-то целовала, но ей подумалось, что этот мужчина, эта ночь и это летнее небо стоят всего ожидания.

Она слышала шум оживленной улицы вдалеке и чувствовала в воздухе свежий запах летнего сена. Рукой, легко покоившейся на груди Себастьяна, она чувствовала его сердцебиение, а когда она наконец отстранилась, его взгляд был совершенно диким.

— Николетт, я должен тебе сказать...

— Завтра. Это может подождать до завтра, верно?

Она не была уверена, доверяла ли ответу его глаз, поэтому она прижала его к одеялу и поднялась, чтобы оседлать его бедра. Она наслаждалась ощущением его тела под собой, грубость джинсов, касавшихся ее голой кожи, возбуждала ее.

— Ты ходячая проблема, — произнес Себастьян тихим хриплым голосом.

Николетт издала смешок.

— Точно, — сказала она. — И ты должен понимать, что я проблема, которая того стоит. Я не даю никаких обещаний и не предлагаю ничего, кроме этой ночи, но до рассвета... ну, я хочу всего с тобой. Ты понимаешь?

Его руки опустились на ее бедра, и Николетт задрожала от ощущения того, как уверенно он касается ее плоти. Себастьян медленно скользнул к ее талии, и она чувствовала в нем силу, затаившуюся и выжидающую. Этого стоило опасаться, но как и многое другое в этом странном мужчине, это вызывало лишь ощущение безопасности и тепла.

— Я понимаю и думаю, ты всегда стоишь тех проблем, которые доставляешь, если это вообще можно считать проблемами. Думаю, это кое-что другое.

Николетт хотела спросить, что он имеет в виду, но тут Себастьян приподнялся, чтобы накрыть ладонью ее затылок и привлечь для очередного поцелуя. Этот оказался долгим и опьяняющим, и когда его язык коснулся ее губ, она приоткрыла рот. На вкус Себастьян был как то яблоко в карамели, которое они разделили раньше, и там было еще что-то его, не поддающееся определению. От этого вкуса она легко пьянела и начала медленно ерзать на нем, извиваясь, пока он ее целовал.

Николетт чувствовала животом, как затвердел его член, и от этого перехватило дыхание. Его налившаяся силой мужественность вжималась в нее, заставляла ее тело ныть от желания, и она потерлась об него, выпив протяжный вздох с его губ.

— Милая, шоу продлится очень недолго, если ты будешь продолжать в том же духе.

— А может мне нравится жестко и быстро, — пробормотала Николетт, и ответом стал лишь прерывистый смех.

— Я не уверен, хочу ли этого, — сказал Себастьян.

Без предупреждения он опрокинул ее на спину на одеяла. Он поднялся над нею и вновь поцеловал. В этот раз Себастьян позволил своему рту спуститься от губ к ее уху, а когда Николетт повернула голову, чтобы дать ему больше пространства, он прикусил нежную мочку уха.

— Думаю, если сегодняшняя ночь — это все, что у нас есть, я хочу это растянуть. Я хочу получить как можно больше тебя, я хочу пробовать тебя на вкус, лизать и кусать. Заставить

тебя чувствовать все, что только можно. Насладиться тобой и позволить тебе насладиться мной.

Николетт пыталась отреагировать на это и выдать ответ, но не могла. Вышел лишь протяжный низкий стон. Часть ее, та часть, которая так долго находилась в бегах и выдержала это лишь потому, что была умнее, сильнее и попросту быстрее преследовавших ее людей, хотела сопротивляться. Это казалось слишком рискованным, слишком пугающим, да попросту слишком. В этом мужчине было нечто изумительное, что заставляло ее желать того, что он предлагал, и в конце концов сопротивляться было невозможно.

Завтра она вновь начнет прятаться. Завтра она вновь станет всего лишь очередным лицом в толпе, наделенным удобным трюком читать ауры и определять угрозу и обман. Сегодня она будет именно той, кем была когда-то.

— Обладай мной, — прошептала Николетт. — Возьми меня.

Это все, что нужно было услышать Себастьяну, и его рот обрушился на ее губы. Поцелуй заблокировал весь мир. Он поглотил их обоих, и по ее венам полилось чистое пламя. Он целовал ее так, будто они будут только целоваться, и возможно, в какую-то другую ночь этого было бы достаточно.

Николетт схватила низ футболки Себастьяна, стягивая ее через голову. Когда он оказался обнажен, она одобрительно замурлыкала, проводя руками по его мускулистым бокам. Она чувствовала шрамы на его теле, много шрамов, и хоть эта мысль отложилась в голове, Николетт отбросила ее в сторону.

— Прекрасный мужчина, — промурлыкала она, и Себастьян улыбнулся в ответ.

Когда ее рука скользнула ниже, чтобы сжать увеличивающуюся выпуклость в его джинсах, смех превратился в стон.

— Дай мне посмотреть на тебя, — прошептал Себастьян.

С полуулыбкой Николетт стянула футболку через голову. В лунном свете ее кожа казалась бледной, как молоко. Его голодный взгляд пожирал ее стройную фигуру, упивался плавными линиями груди и худобой ее тела. Как почитатель перед богиней, Себастьян склонил голову, и в один шокирующий момент Николетт подумала, что он собрался ее укусить. Но вместо этого его рот оказался нежным как перышко, губы поглаживали напряженные соски, сначала один, потом другой. Она вздохнула и захныкала, когда он поддразнил розовую вершинку кончиком языка.

Ее руки на его плечах напряглись, и Николетт попыталась привлечь его ближе.

— Ты хочешь меня, я же вижу, — прошептала она.

— И именно этого я от тебя хочу, — пробормотал Себастьян, уткнувшись носом в нежный изгиб ее груди. — Я хочу, чтобы ты вздыхала и жалобно хныкала, и может быть, немного стонала.

Этот мужчина собирался прикончить ее одними словами, и Николетт осознала, что хотела лишь этого. Как будто почувствовав ее спешку, Себастьян принялся ласкать ее ртом решительнее и голоднее. Он проложил дорожку по ее щекотливому плоскому животику, а потом сильные уверенные руки расстегнули ее шорты. Себастьян стянул их по ее ногам, помедлив, чтобы снять и сандалии, а после она оказалась абсолютно обнаженной перед ним и ночным небом.

Себастьян погладил ладонью вьющиеся темные волосы между ее ног и заурчал с чисто мужским удовлетворением. Николетт задвигала бедрами под его легким прикосновением. Затем самые кончики его пальцем принялись поглаживать ее щелку, делая ее еще более

разгоряченной и влажной с каждым движением. Она думала, что теперь он ее раскроет, но его прикосновения оставались до безумия невесомыми. Она даже не осознавала, что жалобно хнычет, пока во рту не пересохло. Она не осознавала, что ее бедра двигаются и подаются навстречу, пока он не остановил ее.

— Ты хочешь меня? — пробормотал Себастьян, и в этом вопросе было нечто большее, нежели простая нужда и желание.

— Хочу, — пробормотала Николетт.

Завтрашний день сам о себе позаботится.

Он проник одним пальцем в ее теплоту, проверяя, насколько она увлажнилась, и зашипел от удовольствия, почувствовав это. Он распределил влагу по ее клитору, кружа вокруг него с тщательной заботой, и дрожь наслаждения пробежала по всему ее телу.

— Ты... ты...

Николетт не могла закончить мысль. Сейчас он казался неумолимым, его прикосновения стали более решительными, более требовательными. Ее руки крепче стиснули его плечи. Она осознавала, что оставляет следы, но ей было попросту плевать. Он вытягивал из нее удовольствие как воду из сухой земли, и она хотела отдать ему все.

Когда наступил оргазм, он ударил по ней как откровение. Ее тело никогда не раскрывалось так перед другим человеком. Никто не заставлял ее тело так петь, так напрягаться. Она выгнулась под его уверенными прикосновениями и запрокинула голову, кончая и крича от наслаждения, которое он ей дарил.

Когда Николетт вернулась в свое тело, Себастьян прижимал ее к себе. Она чувствовала его улыбку, как чувствовала и набухшую длину, прижимавшуюся к ее бедру.

— Ты еще не... — пробормотала она, и он покачал головой.

— Мне сначала хотелось посмотреть на тебя, — сказал он, запечатлевая нежный поцелуй на ее лбу.

Ее тело сделалось теплым и мягким, в движениях определенно присутствовала дремота, но все равно ощущалась какая-то нужда.

— Возьми меня, — прошептала Николетт, и на сей раз не осталось никаких сомнений.

Себастьян разделся за доли секунды, и вот он уже нависал над ней подобно шторму. Она протянула руку между их телами, чтобы оценить его длину, и его размер и толщина заставили ее конвульсивно содрогнуться. Себастьян задрожал от ее прикосновения, а потом раздвинул коленом ее бедра, заставляя ее раскрыться и трепетать от желания.

На мгновение он сел, и Николетт с благодарностью наблюдала, как он раскатывает презерватив по своей длине. Но он ни на секунду не отводил от нее взгляда, и когда он вновь опустился на колени, она знала, что никогда и ничего не хотела так, как этого мужчину внутри себя.

На долю секунды Николетт испугалась, что будет слишком чувствительной, чтобы продолжать, но потом головка его мужественности потерлась о ее складочки, дразня и как будто спрашивая, и она застонала, разводя ноги еще шире.

— Ты готова? — прошептал Себастьян, и когда он кивнула, это стало единственным разрешением, в котором он нуждался.

Он ворвался в нее, заставляя Николетт громко застонать и вцепиться в него. Он растягивал ее, раскрывал ее, и она хотела и желала этого. Она жаждала его гордой горячей плоти внутри себя, и проникнув в нее всей своей длиной, Себастьян помедлил.

— Я... хочу тебя, — прошептал он с острым отчаянием в голосе. — И я хочу тебя

жестко.

Это должно было напугать ее, но вместо этого лишь заставило ее выгнуться под ним.

— Покажи мне, — властно прошептала она, и с гортанным стоном Себастьян почти полностью вышел из нее и вновь вошел.

Николетт никогда не чувствовала себя более дикой, чем тогда, когда он вбивался в нее, прижимая к земле как жертву, как загнанное животное, и она упивалась этим ощущением. Она целиком и полностью находилась в его власти, и он овладевал ей так, будто собирался поглотить без остатка. В этом была страсть и красота, и Николетт отдалась этому без остатка.

Она уперлась пятками в одеяло и толкалась ему навстречу, встречая каждый толчок за толчком. Она чувствовала судороги, прокатывавшиеся по его телу, и понимала, что это уже близко. Действуя по наитию, она схватила в кулак его густые темные волосы и дернула его голову к своим губам.

— Я хочу тебя, — прорычала она. — Я хочу тебя внутри, я хочу этого, покажи мне себя.

Изданный им звук был почти нечеловеческим, и Себастьян принялся вколачиваться в нее еще сильнее. Николетт обхватила ногами его талию, заставляя его проникать еще глубже, и достигнув вершины, он неподвижно застыл, сотрясаясь над ней.

Спустя несколько долгих секунд Себастьян перекатил их на бок, и Николетт осознала, что прижимается к его груди. Их обоих как будто окутали мягкие чары. Здесь воцарилось умиротворение, слишком редкое и слишком чудесное, чтобы нарушать его простыми словами, и они просто позволили этому нежному как паутинка мгновению длиться.

Наконец, Себастьян откатился и избавился от презерватива, а Николетт села, обхватив себя руками. Себастьян выгнул бровь.

— Ты как будто нервничаешь. Что-то не так?

— Я не знаю, что следует дальше, — призналась она. — Я... я имею в виду, это было... это было изумительно, но я редко этим занимаюсь. Я не делаю всего этого, и не знаю, что потом.

Когда волна наслаждения схлынула, Николетт почувствовала себя до странного потерянной и обделенной. Она не знала, что ей нужно услышать или почувствовать, но в этом плане Себастьян, казалось, намного ее опережал. Он притянул ее в свои объятия, и несмотря на изначальное напряжение, она расслабилась, прижимаясь к его успокаивающей мощи, пока он поглаживал ее по волосам.

— А за этим следует вот что, — тихо сказал Себастьян. — Только ты и я под летним небом. Мы можем касаться друг друга и сохранять молчание. Мы можем обнимать друг друга. Мы можем поговорить о чем угодно. Мы можем отправиться на поиски душа или попросту начать все сначала.

— Начать все сначала? — изумилась она, и Себастьян рассмеялся слегка резковатым смехом.

— Что ж, мне понадобится немного времени, но да, если ты хочешь, можно и сначала.

Николетт задрожала от обещания, звучавшего в его голосе, и содрогнулась от мысли о том, чтобы получить еще больше Себастьяна. Она обхватила его руками и вновь увлекла на одеяло рядом с собой. Завтрашний день сам о себе позаботится, а прямо сейчас его губы были такими мягкими и теплыми, идеальными, как будто созданными для того, чтобы целовать ее.

Утро наступило слишком рано, но Себастьян не удивился. Оно всегда наступало слишком рано, а после украденного дня долг звал громче обычного. Еще не совсем рассвело, но небо уже сделалось жемчужно-серым, предвещая восход. Они натянули на себя одно легкое одеяло, чтобы защититься от росы, и Себастьян аккуратно выскользнул из-под него, чтобы не разбудить Николетт.

Хоть он двигался бесшумно, она все равно беспокойно нахмурила лоб и застонала. Однако она успокоилась, когда Себастьян поцеловал ее в лоб, и погрузилась в более глубокий сон.

Она стала бы гордостью ковена, подумал Себастьян. Сегодня предстояло самое сложное — убедить Николетт, что ей будет лучше с такими, как она. Другие виккане обучили бы ее владеть своим даром, натренировали и защитили ее. Она никогда не знала убежища с другими ведьмами и колдунами. Она даже не знала, что существует целое сообщество людей, которые хотят ее видеть, готовы заботиться о ней и любить ее.

Эта мысль согрела его, хоть внутри у него все сжалось. Ковены зачастую печально известны своей закрытостью, и в какое бы общество она ни попала, не факт, что оно с радостью примет на своем пороге орлиное око Корпуса Магов, даже если Себастьян желал лишь наслаждения их нового члена.

Прошлая ночь была прекрасным сном, украденным днем, но теперь все кончено. Ему нужно сделать свою работу. Себастьян натянул одежду, ботинки, но пока не мог ее разбудить. Вместо этого он отбросил тяжелые волосы с ее лица и наблюдал, как она спит. Слишком скоро ему все-таки придется ее разбудить, но этот момент еще можно ненадолго отложить.

Тихое карканье заставило Себастьяна поднять взгляд, и он улыбнулся, увидев пегого ворона Николетт, приземлившегося рядом с ним. Вороны в принципе были крайне умными птицами, но ему показалось, что он заметил в Карасе нечто большее, экстра-разумный взгляд птичьих глаз и почти сверхъестественное любопытство, с которым он на него смотрел.

Себастьян протянул птице руку, и мгновение спустя ворон вспрыгнул на его запястье.

— Решил, что мне можно доверять? — пробормотал он, и ворон кашлянул в знак согласия.

Себастьян решил, что принятие со стороны Караса — это хороший знак. Он уже тянулся, чтобы деликатно потрясти плечо Николетт и разбудить ее, когда почувствовал это. Связь Себастьяна с землей была просто легендой среди других колдунов Корпуса Магов. На тренировках он мог определить положение людей в бою просто по вибрациям. Теперь, несколько сотен лет спустя, он овладел этим умением еще лучше.

Кто-то шел напрямик к ним, и этот кто-то был тяжелым и двигался быстро. Себастьян предположил, что это кто-то из цирка ищет Николетт, но потом Карас закричал, громко и яростно, и взлетел в небо, хлопая крыльями.

— Что... — Николетт проснулась, испуганно вздрогнув, и Себастьян пожалел, что у него нет времени ее успокоить.

— Одевайся, — кратко сказал он. — Кто-то идет.

К его облегчению, она не стала спрашивать, что он имеет в виду или откуда ему это

известно. Вместо этого она нашла свою одежду и принялась неловко ее натягивать. Она все еще не надела сандалии, когда с оглушительным топотом появился мужчина, перепрыгнувший через каменную стену, всю ночь дававшую им укрытие, как будто она была крошечной. Неизвестный размахивал чем-то, напоминая огромный немецкий меч.

Себастьян чудом увернулся от первого тяжелого замаха. Будь он чуточку помедленнее, это стоило бы ему головы. Владение мечом и навыки мужчины сказали Себастьяну все, что ему нужно было знать.

— Тамплиер, — разъярился он.

В его мире не было слова хуже этого. Этот мужчина сделал целью своих крестовых походов уничтожение людей всего лишь за способности, дарованные им при рождении. Этот мужчина убивал людей, которых Себастьян называл своими друзьями.

Некоторые колдуны путешествовали с пистолетами и ножами, но Себастьян никогда не утруждался этим, поскольку его связь с землей была столь сильной. Повинуясь одному-единственному жесту, земля под ногами мужчины разверзлась, оседая на фут. Этого оказалось достаточно, чтобы лишить мужчину равновесия, а Себастьяну хватило времени, чтобы оказаться рядом с нападавшим на расстоянии меча.

— Неуклюже и небрежно, — прорычал он, разделяваясь с запястьем мужчины мощным ударом кулака.

В случае с обычным человеком это раздробило бы кость, но тамплиер носил броню под своей неприметной одеждой. Однако это выбило из его руки оружие, и Себастьян хищно улыбнулся.

— Ты не стоишь тех усилий, которые потребуются для твоего захоронения, — выплюнул он, и в эту самую секунду Николетт выкрикнула предупреждение.

Себастьян поднял взгляд и вовремя увидел, что в другой руке мужчина заносит кинжал. Себастьян двигался слишком медленно. Мужчина был слишком близко. Лезвие нашло бы свою цель. Но тут яростный вопль расколол воздух, и Николетт очутилась рядом. Все еще босая, она преодолела разделявшее их расстояние, схватив руку мужчины и отбросив ее прочь.

Тамплиер отскочил от них обоих, оставив Себастьяна и Николетт застанными врасплох. Считанные секунды спустя мужчина уже исчез, убежав по полю.

В любое другое мгновение Себастьян сорвался бы с места и пулей бросился в погоню за ним. Он столетиями охотился на тамплиеров. Он знал, что как только они начали приходить, они никогда уже не перестанут. Единственное, что удержало его от погони — это Николетт. Она опустилась на колени прямо на землю, тяжело дыша и глядя в сторону убежавшего мужчины, ее глаза широко раскрылись и остекленели от паники. Когда Себастьян коснулся ее, она подскочила, оттолкнула его и свалилась в высокую траву. С взъерошенными волосами и длинными белокожими ногами она выглядела как какое-то дикое лесное животное. Он вновь потянулся к ней, и она отползла в сторону.

— Николетт?

Женщина, которая прошлой ночью была такой мягкой, желающей и любящей, исчезла, и на ее место пришла другая, смотрящая на него с одной лишь ненавистью.

— Колдун, — произнесла она сквозь стиснутые зубы.

Мужчина напал на них с мечом, и даже глядя на серебристую арку, которую лезвие описало в предрассветном свете, Николетт вспомнила, что это называется цвайхендер, огромный немецкий меч из 1500-х. На протяжении одного долгого ужасного момента она смотрела, как лезвие опускается на Себастьяна, отрешенно осознавая, что мужчина пришел за ней. Но потом Себастьян заставил землю содрогнуться.

То, что произошло далее, было скорее инстинктом, нежели навыком. Николетт яростно подумала, что если бы ей представилась возможность пережить эти мгновения заново, она бы развернулась и убежала, оставив этих огромных мужчин сражаться. Вместо этого она рванулась в драку, чтобы защитить Себастьяна, и теперь стояла, глядя на него и чувствуя, как пепел предательства обжигает ее нутро.

— Когда ты собирался мне сказать? — выплюнула она. — Когда ты собирался сказать мне, что ты колдун?

Себастьян смотрел на нее широко раскрытыми глазами, как будто она его ударила.

— Сегодня, — сказал он.

И хоть на его лице не было видно лжи, она знала слишком многих лжецов, чтобы поверить в его искренность.

— Сегодня, клянусь тебе, Николетт, я собирался сказать тебе сегодня. Я не стал бы утаивать от тебя такое. Ты должна знать, кто ты.

Она фыркнула, отстраняясь и обхватывая себя руками. Себастьян выглядел так, будто хочет потянуться к ней, и она пригвоздила его тяжелым взглядом, пока он не отшатнулся.

— Я знаю, кто я, и знаю, кто ты. Ты из Корпуса Магов, ведь так? Бандиты ведьмовского мира.

Себастьян отшатнулся как от удара. Она могла бы рассмеяться.

— Мы не такие, — сказал он, очевидно пытаясь сохранять спокойствие. — Мы защищаем. Мы ищем потерянных ведьм вроде тебя. Мы отводим вас в ковены, где вы будете в безопасности.

— Вы забираете людей из их домов. Вы забираете их от всего, что им было знакомо. Вы отправляете их...

Николетт осознала, что собирается сказать. Она стиснула зубы. Это старая рана, но с нее все еще можно содрать корку, если не соблюдать осторожность. Себастьян пристально наблюдал за ней, и глаза его потемнели от ярости.

— Куда? — спросил он, и его голос прозвучал как-то слишком тихо, слишком спокойно.

Николетт сделала еще один шаг назад, но в этот раз он последовал за ней.

— Забудь, что я сказала, — попыталась она.

Но Себастьян покачал головой.

— Ты собиралась что-то сказать, и кажется, мне лучше это услышать. Что, по-твоему, Корпус Магов делает с найденными ведьмами, Николетт? На что ты намекаешь?

— Забудь, — настойчиво повторила она. — Я не стану больше с тобой разговаривать.

Она развернулась, чтобы уйти, но его рука схватила ее за запястье. Он не стиснул пальцы, но его хватка все равно была прочной как стальные кандалы. Он надежно удерживал ее на месте.

— Что, по-твоему, Корпус Магов делает с найденными ведьмами? — потребовал

Себастьян. — Николетт, я член Корпуса Магов, и я имею звание майора. Я серьезно отношусь к своим обязанностям, я нашел много таких ведьм, как ты, и доставил их в безопасное место.

Слова «таких, как ты» эхом отдались в ушах Николетт. Румянец залил ее щеки.

— Таких, как я? — глухо переспросила она. — Их ты тоже заваливал в открытом поле?

По крайней мере, ему хватило приличия выглядеть шокированным.

— Нет, боги, нет, Николетт! Нет, это было... это было особенным, это нечто иное. Я никогда не делал ничего такого.

Он выглядел застанным врасплох, и этого оказалось достаточно, чтобы он ослабил хватку на ее запястье. Николетт еще не могла вырваться, но держалась наготове в ожидании удобной возможности.

— Что произошло с другими девушками? — прошептала она.

— Я защитил их, — сказал Себастьян. — Я нашел им место с ковенами, поблизости или где-то вдалеке, в зависимости от того, в чем они нуждались в тот момент.

Николетт вздрогнула. Находиться с одним было плохо, но каково было очутиться с целой группой?

— В чем они нуждались в тот момент, — отрешенно повторила она. — Я ни в чем таком не нуждалась.

Выражение лица Себастьяна сделалось еще мрачнее.

— Николетт, расскажи мне, что с тобой произошло. Я представитель Корпуса, ты ведьма. Ты обязана мне ответить.

Николетт ощутила, как к горлу подступает паника, и попыталась сдержать ее усилием воли.

Она расслабилась, теперь она это понимала. Год назад одна лишь встреча с кем-то вроде Себастьяна заставила бы ее спешно бежать к следующей возможности, следующей аванюре, следующей личности. Но он каким-то образом вскружил ей голову и оказался столь же опасным и пугающим, как и все остальное.

— Я прошла инициацию в девятнадцать, — тихо сказала Николетт. — Меня нашли спустя почти шесть месяцев. Я начала видеть эти прекрасные цвета. Видеть, как они нависают над головами всех вокруг меня, видеть, как они совпадают с тем, что чувствует человек, даже если лица не выдавали ровным счетом ничего.

— Ты читаешь ауры, — с удивлением сказал Себастьян. — Это редкий дар. Не уверен, что Корпус находил кого-либо настолько сильного в этом за последние десятилетия.

— Это он мне и сказал, — ровно произнесла Николетт. — Он сказал, что это знак великой ведьмы, которая может изменить всю судьбу мира.

— Что еще он сказал тебе?

Смешок Николетт был резким и невеселым.

— Он сказал, что я буду ему подчиняться. Он сказал, что с этого самого момента он будет для меня всем, моей матерью, моим отцом, моим учителем, моим всем. Он сказал, что будет меня защищать. Позаботится, чтобы тамплиеры никогда меня не нашли, — Николетт тяжело вздохнула. — Мужчина, который нашел меня, оставил меня с этим человеком. Он удерживал меня почти семь месяцев и за этот период сломал два ребра. И по сей день я иногда ощущаю покалывание и онемение в ноге, которую он мне вывихнул. Вот что Корпус сделал со мной, Себастьян, и ты один из них.

— Кто сделал это с тобой?

Голос Себастьяна звучал ровно и безжизненно, и это пугало ее еще сильнее. Сейчас в нем было нечто невероятно устрашающее. Не осталось ни следа того мужчины, который прошлой ночью так нежно старался доставить ей удовольствие. Этот мужчина был незнакомцем. Этот мужчина не обещал ей ничего хорошего, и ее сердце забилось быстрее.

— А это имеет значение? — услышала Николетт собственный шепот.

Себастьян нахмурился.

— Конечно, имеет. Он не должен был поднимать на тебя руку, никогда. У тебя есть права, боги. Николетт, я хочу лишь защитить тебя.

Он повысил голос, и Николет инстинктивно вскинула руку, чтобы защититься от удара, который несомненно должен был последовать. Все это было слишком знакомо. Он колдун, он разозлился, и ей придется страдать.

Он отпустил ее так неожиданно, что она потеряла равновесие. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Ты думаешь, что я тебя ударю, — сказал он, и голос его звучал шокированно. — Ты боишься, что я причиню тебе вред.

Часть ее кричала, что вовсе не верит в это, но остальная ее часть, которая прошла сквозь огонь и ужас, чтобы закалиться в нечто сильное и нерушимое, отказывалась сказать это вслух.

— Почему я должна верить в обратное?

Слова слетели с ее губ как кристаллы льда, и Николетт видела, что Себастьян содрогнулся как от сокрушительного удара. Все краски схлынули с его лица, и он покачал головой.

— Николетт, я бы никогда этого не сделал. Никогда, никогда я не причинил бы тебе боли, я бы...

— Тогда отпусти меня, — бросила она вызов. — Докажи, что ты лучше Вацека, и отпустишь меня.

Он замер неподвижно как статуя. Николетт плавно выдохнула, даже не осознавая, что задерживала дыхание. Она сделала шаг назад, потом второй.

— Николетт...

Она помедлила, но ничего не последовало. Она развернулась и ушла.

Пересекая поле, она чувствовала на себе его взгляд, но не раздалось никаких шагов и никакие руки ее не хватали.

Воздух завибрировал от хлопанья крыльев, и на ее плечо приземлился Карас. Он бережно клюнул ее волосы, и Николетт протянула руку, чтобы успокоить его.

Завтрашний день настал, и пришло время возвращаться в реальную жизнь.

Солнце поднималось. Сегодня намечался еще один замечательный летний денек, но Себастьян этого не чувствовал. Он сомневался, сумеет ли вообще чувствовать что-либо, хотя конечно же это неправильно. За двадцать минут он пережил... что? Потерю? Он сразился с тамплиером и потерял ту, что делала его цельным изнутри. Он провел руками по густым черным волосам, гадая, когда все успело пойти под откос. День, проведенный с Николетт, казался ему более реальным, чем все это. В какой-то мере тот день казался даже более реальным, чем долгие годы, прожитые до этого.

Себастьян сделал глубокий вдох и принялся расхаживать вдоль стены.

Во многом ничего не изменилось. Она все еще была бродячей ведьмой. Теперь он знал, что она была бродячей ведьмой с очень редким даром. Чтецы ауры могли определить правду в напряженной ситуации. Они могли получить информацию от врага и пустить ее в дело. Себастьян вовсе не удивился, что Николетт поручили индивидуальному наставнику, а не ковену, но когда он вспомнил ее ситуацию, в нем вскипела холодная, ледяная ярость. Он вытащил телефон, и на том конце ответили уже после первого гудка.

— Стефан, мне нужна информация.

— Что тебе нужно, Себастьян? Не спишь? Потому что мои часы подсказывают мне, что у тебя нет еще и семи утра.

Себастьян проигнорировал насмешку Стефана.

— У нас есть информация о колдуне по имени Вацек? Он тренировал ведьм или колдунов в последние несколько лет.

Ответ Стефана был быстрым и не предвещал ничего хорошего.

— А, этот засранец. Что ты хочешь знать?

— Похоже, он тренировал ту бродячую ведьму, которую я ищу. Мы поговорили, и из-за него она не хочет к нам присоединиться.

— Не вини ее. Похоже, этот парень работал на Тихоокеанском северо-западе, сотрудник с хорошей репутацией и все такое. Он тренировал некоторых людей, которых все абсолютно устраивало, но примерно год назад ведьма отделилась от него, присоединилась к ковену в Алабаме и начала рассказывать людям о дерьме, которое он вытворял.

— Что он делал?

— Судя по слухам, выбивал из нее дерьмо и делал это во имя «настоящих тренировок». Некоторые люди вступались за него и говорили, что все это полная хрень, он никогда не поднимал на них руку, но это были лишь колдуны, а не ведьмы, так что...

Себастьян стиснул зубы. Он силой заставил себя разжать кулаки и заговорил тщательно контролируемым голосом.

— И что случилось с Вацеком?

В этот раз смешок Стефана прозвучал более искренне.

— Умер вскоре после того, как все это всплыло. Ему перерезали горло. Уж поверь мне, когда я говорю, что мы не очень-то скорбели, понял, да?

Себастьян почувствовал, как расслабляется дюйм за дюймом.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь расскажи мне, что мы знаем о тамплиерах в этом районе.

— Знаешь, как-то странно, когда ты сначала спрашиваешь об этом давно умершем

засранце, который распускал руки, а потом только о тамплиерах. Вообще-то я буквально вчера проверял сеть и ничего не нашел. Район должен быть чист. Или ты хочешь сказать, что это не так?

— Хмм. Я должен идти.

— О черт, не проворачивай со мной этот фокус, я должен...

Себастьян положил трубку и выключил телефон. Теоретически это было нормально, поскольку они со Стефаном были одного ранга. В реальности это было абсолютно недопустимо, поскольку Стефан служил глазами и ушами большинства членов Корпуса, работавших на местности. Оставлять его в неведении было плохой идеей. Однако если он упомянет о тамплиере в данной местности, Командир, скорее всего, захочет прислать сюда других членов Корпуса. А присутствие других членов Корпуса означает, что Николетт запугают еще сильнее, чем сейчас. Еще это значит, что ему придется разделить охоту на этого тамплиера с кем-то еще. Себастьян вспомнил испуганное лицо Николетт, когда мужчина напал на них. Это убийство должно принадлежать ему лично.

Солнце вставало, и Себастьян начал собирать одеяла, на которых они спали. Ему нужно поесть, а потом отправляться на охоту. Позаботившись об угрозе, он сможет вернуться к Николетт. Он сможет поговорить с ней. Он сможет объяснить, что о мужчине, который плохо с ней обращался, уже позаботились.

Он сможет увезти ее с собой, и возможно, она позволит ему остаться рядом.

За ночь на лугу Николетт расплачивалась ноющим телом и ощущением, будто в глаза песку насыпали. Она сосредоточилась на физическом дискомфорте, потому что если бы она сосредоточилась на эмоциях, то оказалась бы в полном раздразе.

В своем душном темном шатре она гадала под злое карканье Караса. Представление началось рано, и толпа собралась лучше, чем можно было ожидать. Николетт приглушала свой дар, но ее способности все равно вели себя странно. Хотя она и не всматривалась в ауры, которые, как ей было известно, кружили вокруг головы каждого человека, она все равно замечала то тут, то там слабые проблески света. Это напомнило ей о Вацке и его словах о том, что близость к другим викканам может усилить ее способности. За исключением времени, проведенного с Вацком, ее дар чтения аур оставался приглушенным и притупленным. Она думала, что мужчина просто врет или ошибается, но после прошлой ночи с Себастьяном она уже сомневалась, что это ложь.

Николетт задавалась вопросом, что бы случилось, проведи она больше времени с Себастьяном — что она почувствовала бы тогда? От одной мысли об этом она залилась румянцем и вместо этого сосредоточилась на работе. Как будто чувствуя ее настроение, Карас сел на ее плечо, таращась на всех входящих поистине театральным взглядом.

Клиенты в тот день были обычными, и она так часто играла Мадам Николь, что эта роль ощущалась уже как вторая кожа. Она предсказывала будущее, намекала на великий потенциал, озвучила несколько предупреждений тем, на кого совсем не удалось произвести впечатление. Николетт уже с нетерпением ждала возможности перекусить за шатрами, когда вошла пожилая женщина.

Она была одета в шляпу и перчатки, как будто в каком-то старом фильме, и от нее исходило такое умиротворение, что Николетт невольно окинула ее повторным взглядом. Женщина выглядела чопорной, слегка сутулилась и совсем не походила на типичного посетителя, приходящего за предсказанием.

— Приветствую, прекрасная леди, — пробормотала Николетт. — Чего вы ищете этим вечером, мм?

Женщина улыбнулась, и улыбка получилась какой-то печальной. Она положила деньги на стол и долгое время, казалось, собиралась с мыслями, пытаясь понять, что же она хочет услышать.

— Что вам известно о том свете?

— Том... свете? О царстве духов, хотите сказать?

Пожилая женщина кивнула. Ее рука, лежавшая на столе между ними, сжалась в кулак.

— Это неправильно, неподобающе, — сказала женщина. — Но ох, я знала, что сегодня ваш цирк здесь, а завтра может уже уехать. Я подумала, что плохого может случиться, если я спрошу, знаете ли вы, что случается, когда...

— Что случается после того, как мы умираем?

Пожилая женщина кивнула, и хоть было явно заметно, что она скорбит по кому-то, она все равно несла в себе это странное вездесущее чувство умиротворения. Николетт испытывала такое всего несколько раз в жизни. Она всегда ассоциировала это чувство с состоявшимися людьми, которые познали совершенство в душе и личности.

— Нам не следует знать, что ждет после смерти, — сказала Николетт, которая уже

оказывалась в такой ситуации. — После смерти занавес опускается, и все, что ждет впереди, смертным неведомо.

— Но там точно что-то есть?

Николетт улыбнулась.

— Что-то есть. Вы ищете мужчину? Кого-то, кто был вам очень близок?

Женщина кивнула, и в ее глазах едва заметно блеснули слезы. Догадаться было несложно, и Николетт почувствовала себя хуже, так просто угадав трагедию, для которой нельзя найти утешения.

— Он был здесь какое-то время, — предположила Николетт. — Но он ушел слишком рано, не так ли?

Женщина вновь кивнула, и в этот раз влагу в ее глазах нельзя было не заметить.

— Ему надо было разрешить остаться подольше, — произнесла женщина глухим от печали и скорби голосом, но несмотря на это, ощущение умиротворения никуда не делось.

— Что вы хотите знать? — мягко спросила Николетт. — Он был хорошим человеком, добрым, хоть и не всегда умел это показать.

— Да, да, в этом весь он, — кивнула женщина.

Несложно было сложить дважды два и понять, какого человека любила бы эта женщина. Николетт подумала, что знает, что этой женщине нужно.

— Я чувствую, как он сейчас парит над нами, — тихо сказала она. — Он соглашается, что его забрали слишком рано. Он понимает, что вы по нему скучаете, но ох, сколько же любви к вам он чувствует. Он любит вас и пребывает в мире. Вы должны это понимать. Он в мире, и он ждет.

— Меня?

— Вас. Он знает, что вы вновь будете вместе. Он пребывает в мире и хочет, чтобы вы познали это утешение.

Женщина плакала уже в открытую, но кивнула.

— Спасибо вам, — сказала она, слегка успокоившись. — Мне нужно было это услышать. Спасибо. Я лишь надеюсь, что он знает, как сильно я его люблю.

— Знает, это я вам обещаю, — сказала Николетт, и ее слова были далеки от лжи.

Эта женщина была не из тех, кто что-то скрывает, и любовь освещала ее лицо подобно маяку. Николетт импульсивно потянулась через стол, чтобы сжать руку пожилой женщины, и когда она это сделала, часть этого умиротворения согрела ее. Женщина улыбнулась сквозь слезы.

— Спасибо. Мой пастор и моя семья последние несколько лет говорили мне, что пора двигаться дальше, и думаю, теперь я действительно готова это сделать.

Когда она повернулась, чтобы уйти, Николетт поддавалась искушению и заглянула в ауру женщины. Она была прекрасного золотистого цвета, хотя и немного тусклая. Это имело смысл, учитывая скорбь женщины. Николетт не стала бы раздумывать об этом дальше, если бы перед ее глазами не пронеслась череда образов.

Она видела молодую женщину в красном платье, танцующую щека к щеке с молодым мужчиной в слишком большом костюме. Женщина была очаровательной, а мужчина — долговязым как забор с ушами-лопухами. Никто не назвал бы его красивым, но когда он кружил свою прекрасную партнершу в танце, его лицо светилось такой любовью, что при виде ее прослезился бы и камень. Николетт знала, что этот мужчина мертв уже долгие годы, но в глубине души понимала, что если бы могла почувствовать его ауру, она была бы такой

же золотистой, как и у его партнерши по танцам.

Николетт осознала, что дрожит, а Карас приземлился на стол перед ней, вопросительно каркая. Она покачала головой.

Вацек упоминал, что некоторые чтецы ауры могут заглядывать еще глубже, могут видеть происходящее в головах других людей, но она не думала, что наделена такой способностью.

До прихода Себастьяна Николетт знала свой дар. Она знала, на что способна. Она знала, когда кто-то жульничал в карточной игре. Она видела, когда кто-то влюблен или уже разлюбил. Она знала, что слишком частое использование ее сил приводит к ужасной головной боли на долгие часы. Но это было в новинку, и впервые за несколько лет Николетт боялась того, чего не знала.

Вошел следующий клиент, и Николетт пришлось вновь стать Мадам Николь.

Она никогда не читала собственную ауру, но знала, как она сейчас выглядела. Смещение цветов, вращающихся слишком быстро и абсолютно сливающихся друг с другом.

Было почти два часа ночи, когда Себастьян добрался до своей квартиры в городе. Целый день охоты принес лишь раздражающую неопределенность. Хотя и нашлись люди, видевшие тамплиера, которого он преследовал, никто не сумел ему сказать, где этот мужчина охотился или пустил корни. Любая зацепка вела в тупик, и это все, что мог сделать Себастьян, не ввязываясь в серьезные сражения. Командир не раз заявлял, что разговоры и дипломатия не были сильной стороной Себастьяна. Он скорее напоминал стрелу, выпущенную из лука и неспособную изменить направление. Он гладко и уверенно летел к цели, а когда попадал в нее, то делал это со всей силой.

Для этой миссии его разместили в квартире, находившейся в прекрасном особняке в тихом квартале. Это был безопасный дом, в котором останавливались члены Корпуса, проезжающие через Бостон, и обстановка тут была намного лучше мест, где ему доводилось бывать в прошлом. Стефан или кто-то другой обеспечил это жилье максимальной защитой от тамплиеров и сделал его максимально гостеприимным для виккан. Так что открывая дверь, Себастьян знал, что будет один.

Но потом он услышал тихое карканье, и его сердце тут же вступило в конфликт с разумом. Этого не могло быть, но он уже знал этот звук. Он включил свет на кухне, и за столом сидела, как будто занимая законное место там — и в его жизни — Николетт собственной персоной. Она съежилась на стуле, коса свешивалась через плечо. Одетая в темные джинсы и черную футболку, босоногая, она выглядела до боли юной. Лишь замкнутое выражение лица и напряженные плечи говорили Себастьяну, что он имеет дело с молодой ведьмой, приближающейся к расцвету своих сил.

Карас сидел на спинке ее стула. Образ получился бы зловещим, вот только птица при виде Себастьяна радостно закаркала и перелетела к нему на плечо. Себастьян вздрогнул, но широко улыбнулся, когда птица легонько ущипнула мочку его уха.

— Обычно это добрый знак, — сказал он, обращаясь к Николетт.

Пусть настороженный и наблюдательный настрой никуда не делся, она все равно выглядела заинтересованной.

— Что именно?

— Карас, твой фамильяр. Он доверяет мне, и обычно это значит, что ты тоже можешь мне доверять.

— У Караса мозг размером с желудь. Думаю, мне простительно считать, что он не лучший знаток психологии.

— Дело твое, но он знает, откуда берется еда.

Себастьян подошел к холодильнику, который был забит под завязку перед его приходом, и вытащил упаковку колбасы. Ворон явно знал, что это такое. Он возбужденно хлопал крыльями, пока Себастьян не отрезал несколько кусочков и не скормил ему. Карас быстро проглотил мясо, и это зрелище заставило Николетт улыбнуться. Ну хотя бы что-то.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не могу себе представить, что ты здесь только потому, что Карасу нужна пища. Я бы вас обоих накормил, более чем охотно, но у тебя явно на уме что-то еще.

На секунду показалось, будто Николетт занервничала, но потом все же кивнула.

— Как ты знаешь, для меня это непросто, — тихо сказала она. — Я была сама по себе

почти десять лет. Я отлично выживаю без тебя и без Корпуса.

— Ты очень хорошо справляешься, — сказал Себастьян, стараясь не выдавать надежду в голосе. — Ты доказала, что ты стойкая и способная, а эти слова немало значат из уст человека вроде меня.

Николетт вовсе не выглядела впечатленной, только обеспокоенной.

— Я думала, что узнала о своих силах все. Видит Бог, как только не муштровал меня Вацек, причем постоянно. Он приводил меня в людное место и заставлял читать ауры всех, кто проходил мимо. Вновь и вновь, пока моя голова не начинала раскалываться, пока мне не казалось, что я вот-вот заболею физически.

Себастьян содрогнулся.

— Это должно быть не так, — тихо сказал он. — Твой дар нужно лелеять, воспитывать с добротой, а не с жестокостью.

Николетт рубанула рукой воздух.

— Мне плевать, как это должно было быть, я знаю лишь то, как это было у меня. Все было так, и я считала, что после всего этого мы знали, где находится лимит моих способностей. Но сегодня...

— Сегодня?

— Я смотрела в ауру женщины. Я открыла свой взгляд, чтобы увидеть ее, и она была прекрасна. Там была целая жизнь любви, которую она в себя впустила. Эта любовь заставила ее сиять как новенький пенни, и это было прекрасно, — Николетт покачала головой. — Возможно, я смотрела слишком долго. Не знаю. Я знаю лишь то, что внезапно я взглянула в ее прошлое, увидела, кем она была, что сделало ее той, кто она есть сейчас. Я этого не ожидала. Я не знала, что со мной происходит.

Она перевела горящий взгляд на Себастьяна, и он осознал, что она злится.

— Это ты сделал со мной? — потребовала Николетт. — Ты сделал со мной что-то прошлой ночью?

Себастьян покачал головой. Больше всего на свете ему хотелось подойти к ней, обнять и объяснить, почему ей не стоит ни капельки бояться.

— Это был не я, — тихо сказал он. — Это все ты. Когда ведьма проводит время с себе подобными, особенно когда есть связь, ее силы приумножаются. Она может открывать в себя такие двери, какие даже вообразить себе не могла. Это известно веками. Вот почему бродячие маги никогда не становятся такими могущественными, как ведьмы и колдуны, живущие в ковенах.

— Значит, ты сделал это со мной.

— Нет, мы сделали это вместе, — Себастьян вздохнул и провел обеими руками по волосам. — Я тебе не враг, Николетт, и никогда им не буду. После твоего ухода я весь остаток дня искал мужчину, который пришел в твой шатер передо мной. Он тамплиер, и он опасен. Он нашел тебя. И если он такой же, как и те тамплиеры, с которыми я имел дело в прошлом, он не остановится, пока не найдет тебя снова. Он хочет тебя убить.

Николетт вскочила на ноги, стискивая руки в кулаки и прижимая их к бокам.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — выкрикнула она. — Ты думаешь, Вацек не вдолбил это в меня? Я знаю, кто такие тамплиеры. Я не какая-нибудь зеленая ведьмочка, которую можно запугать обманом!

Нрав Себастьяна вспыхнул, как сухая трава.

— Запугать обманом? Ты серьезно? Тамплиеры — это реальная угроза! Я не кормлю

тебя страшилками про призраков! Я пытаюсь показать, чем ты рискуешь, живя в одиночку, живя без ковена, который может защитить тебя и прикрыть тылы!

— Я знаю, каково жить с колдуном, и уж лучше я буду иметь дело с тамплиерами!

Себастьян поразился резкости, звучавшей в ее голосе.

Николетт покачала головой.

— Ты не понимаешь, да? — горько произнесла она. — Ты только посмотри на себя.

Себастьян недоуменно осмотрел себя. На нем была абсолютно типичная для охоты в городе одежда. Темный костюм с угольно-серой рубашкой. Незаметная и достаточно маленькая железная брошь в виде пентакля, которую он носил на лацкане пиджака. Она говорила об его ранге тем, кто понимал, о чем идет речь, и в сочетании с заметной дороговизной костюма повергала большинство людей в восторг.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что на мой взгляд между тобой и тамплиерами разница небольшая. Вы оба хотите заполучить меня, и вам обоим плевать, чего хочу я.

— И чего же ты хочешь? — вопрос Себастьяна прозвучал как вызов, и Николетт застыла. — Ну? Ты продолжаешь твердить, что хочешь сделать по-своему. Ну, Николетт, как это — по-твоему?

— Пожалуйста... — тихо произнесла она.

Себастьян покачал головой.

— Ты говоришь, что знаешь, как работает Корпус, но мне так не кажется. Я здесь не для того, чтобы эксплуатировать тебя. Я здесь не для того, чтобы заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Весь Корпус, начиная от командира и заканчивая самым зелененьким лейтенантиком, существует для того, чтобы служить. Мы не создаем правил, мы следим за их соблюдением, и большая часть этой работы сводится к защите людей. Мы защищаем таких как ты, Николетт.

— Где ты был?

— Что?

— Где ты был? — повторила Николетт, и когда она подняла голову, ее глаза сияли непролитыми слезами. Себастьян застыл. — Где ты был, когда меня забрали к Вацеку? Кто-то незнакомый меня забрал, сказал, что поможет. Я... я была так напугана. Я думала, что схожу с ума. А потом показались эти люди, такие как ты. Они сказали, что Вацек мне поможет.

— Они ошибались, и мне очень жаль, Николетт, — сердце Себастьяна сжалось в груди. Он заслуживал каждую каплю ее презрения. Весь Корпус этого заслуживал.

— Где ты был, когда он заставлял меня тренироваться до тошноты? Где ты был, когда ему всего было недостаточно, и он сломал мне ребра?

Николетт опустила голову и сгорбилась, как будто пытаясь казаться меньше. Себастьян невольно задумался, не научилась ли она этому за время, проведенное с Вацеком. Ему хотелось убить этого мужчину еще раз.

— Сейчас все иначе, — повторил он. — Клянусь, если ты решишь вернуться в мир виккан, все будет совершенно иначе.

Она фыркнула, но было в этом звуке нечто уязвимое.

— Я так долго была одна.

— Ты не лишишься возможности бывать одна, клянусь. Просто... просто позволь мне позаботиться о тебе какое-то время.

— Какое-то время?

— Несколько дней. Даже один день, если ты согласна только на это. Позволь мне учить тебя так, как тебя должны были учить. Это не моя специальность, но прошу тебя. Все, чему я научу тебя, сделает тебя сильнее. Это отточит твои умения. Это позволит тебе жить, как тебе хочется, а не бояться людей, которые могут прийти за тобой.

Николетт колебалась, и Себастьян видел, насколько она близка к тому, чтобы просто уйти. Она скрывалась так долго, что он не сомневался — она сумеет продолжать в том же духе. Так что он разыграл последнюю карту в своем арсенале.

— Я могу показать тебе, как работает Корпус, — тихо сказал он. — Как мы отслеживаем и находим вас.

— Ты научишь меня, как обойти Корпус?

Себастьян заставил себя кивнуть.

— Я мог бы дать тебе инструменты, которые позволят полностью исчезнуть, если ты того захочешь. Ты можешь за всю свою жизнь не повстречать ни одного колдуна или ведьму.

Что-то сломалось в нем при виде того, сколько времени ей понадобилось на обдумывание ответа. Николетт перевела на него взгляд своих синих как буря глаз, и Себастьян потерялся в них. Он отдал бы ей что угодно, лишь бы она осталась. Даже если это означало дать ей средства, чтобы вечно избегать его и ему подобных.

— Я согласна, — тихо сказала Николетт. — Когда мы начинаем?

— Завтра.

— Завтра? Я думала...

— Николетт, сейчас два часа ночи. Я весь день охотился. Я измотан. Мне нужно в душ, и... я всего лишь хочу поспать рядом с тобой несколько часов.

— Ты хочешь спать рядом со мной?

— Ничего больше, я обещаю. Я готов поклясться на любой святыне. Клянусь, ничего другого не случится. Позволь мне поспать, а завтра, с рассвета до заката я буду тебя учить.

Это звучало до боли похоже на ту сделку, которую она заключила с ним накануне. Николетт потянулась к нему, но быстро отдернула руку.

— Хорошо, — прошептала она. — Я посплю рядом с тобой.

Кровать по ширине могла сравниться с ее трейлером, и забираясь под одеяло в одной лишь маечке и трусиках, Николетт попыталась представить, каково было бы жить так всю жизнь. Она могла перестать убегать. Она могла перестать менять личность, она могла бы иметь настоящий дом. Она могла иметь все это с этим мужчиной.

Себастьян вошел в спальню, когда она уже была под одеялом и выключила свет. Он был лишь темным силуэтом, двигавшимся в комнате. Странное чувство. Она должна была ощущать угрозу, но вместо этого он навевал мысли о темном ангеле-хранителе, который всюду следовал за ней и оберегал, несмотря ни на что. Он пах можжевельниковым мылом, свежим и хвойным ароматом, и Николетт невольно улыбнулась.

— Все хорошо? — тихо спросил Себастьян, и она вздохнула.

— Да... да, все хорошо.

Он промолчал, но явно испытывал облегчение, забравшись рядом с ней под одеяло. Он разделся до боксеров, и в прохладной комнате с кондиционером Николетт невольно потянулась к его теплу. При первом прикосновении он издал тихий звук, но потом устроился рядом, как будто они годами спали вместе. Ее тело идеально подходило под изгибы его тела. Ее спина прижималась к его груди, голова устроилась под подбородком. Тяжелая мускулистая рука опустилась на ее бедро, и Николетт потянулась, чтобы сжать его ладонь.

Постепенно их дыхания выровнялись. Ее убаюкивали его глубокие и ровные вдохи и выдохи, и она сама едва не заснула. Николетт настолько расслабилась и успокоилась, что слова слетели с ее губ практически неосознанно.

— Мы можем остаться так навечно? — пробормотала она, и даже в полусонном состоянии осознала, что Себастьян позади нее застыл абсолютно неподвижно.

— Можем, — прошептал он спустя долгое мгновение. — Не могу представить ничего лучше.

Однако Николетт провалилась в сон, и ответом стало лишь тихое невинное дыхание.

Николетт проснулась в пустой кровати от запаха бекона, скворчащего на сковороде. Она последовала за запахом на кухню, где обнаружила Себастьяна, одетого в угольно-серую рубашку, черные слаксы и абсолютно не подходящий к этому наряду фартук. Он вилкой перекладывал бекон на тарелку, на которой уже лежали яйца, и поднял взгляд, заметив ее.

— Знаю, это не настолько вкусно, как еда с фестиваля, но тебе нужны протеины. Ешь, и можно выдвигаться.

Николетт уселась на стул возле стола и принялась жевать полоску бекона, наблюдая, как Себастьян окунает пустую посуду в раковину, полную мыльной воды.

— Все-таки я тебя не понимаю, — сказала она наконец.

Он подошел к столу, неся для себя полную тарелку бекона.

— Что тут понимать?

— Я — твое задание, — сказала Николетт и кивнула, когда он вздрогнул. — Значит, ты должен доставить меня куда надо. Я и прежде встречала мужчин Корпуса. Они, эм... обычно доводят дело до конца.

Себастьян выдавил вялую улыбку.

— Для нас это вопрос гордости. Я служу Корпусу почти всю свою жизнь — а это значит, что я занимаюсь этим почти четыре сотни лет. И за все это время ты будешь первой миссией, которую я закрыл без требуемого финала.

— Почему?

— Потому что ты заслуживаешь большего, чем быть доставленной как приз. Ты годами выживала в одиночку. Со стороны твоего бывшего учителя неправильно было бить тебя, но так же неправильно с моей стороны будет лишать тебя свободы.

— Так почему просто не уехать домой?

Лицо Себастьяна помрачнело.

— Для того, кто так боится Корпуса, ты плохо нас знаешь. Мы созданы для того, чтобы защищать таких, как ты. Неважно, сколько времени мужчина провел с Корпусом и до какого ранга дослужился, первый приказ, которому он следует — защищать ведьму, оказавшуюся на его попечении. Сейчас для меня это ты. Я не могу защитить тебя, доставив в другое место, но черт подери, я хочу дать тебе необходимые инструменты, чтобы ты сумела защитить тебя там, где я не могу, — что-то в голосе Себастьяна надломилось на последнем слове, но потом он вновь надел свою маску. — Доедай и одевайся. Сегодня я выведу тебя на улицы. Мы многое успеем охватить, если начнем немедленно.

Доев последнюю полоску бекона, Себастьян встал и стянул с себя фартук, повесив его, прежде чем выйти с кухни.

Николетт проводила его взглядом, пребывая в смешанных чувствах. Она покачала головой, отбрасывая лишние эмоции. Слишком многое стоит на кону, чтобы она могла позволить себе поддаться этим чувствам. Она нуждалась в том, что он мог ей дать, и она не могла позволить смятению влиять на происходящее.

После того как они по отдельности приняли душ, Себастьян отправил ее искать одежду в шкафу. Она поначалу запротестовала, что ее джинсы и футболка нормально подойдут, но потом открыла дверцу шкафа. Видимо, Корпус предпочитал держать убежище наготове для прибытия кого угодно, включая и женщин. Некоторая одежда была слишком велика,

некоторая слишком мала, но в итоге она вытащила из глубин шкафа зеленое льняное платье без рукавов. Оно было невесомым, с широкой юбкой, закручивавшейся вокруг ее бледных ног, и она нашла подходящую пару сандалий.

Выйдя из спальни, Николетт с удовлетворением отметила, что глаза Себастьяна на мгновение расширились.

— Хорошее, да? — спросила она с игривой улыбкой.

— Не то слово, — ответил Себастьян с широкой улыбкой, которая быстро погасла. — Ладно, пошли. Нам предстоит работа.

К удивлению Николетт, он отвез их напрямик на Бостонскую набережную. Посреди лета это оживленное место собрало туристов, продавцов и всевозможных местных жителей, наслаждавшихся видами.

— Я думала, мы будем тренироваться, а не ходить по магазинам.

— Мой наставник говорил мне, что работа лучше всего делается в полевых условиях, и учитывая, что его дар немного походит на твой, думаю, к тебе это тоже относится.

Себастьян купил кулек жареного миндаля в сахаре и нашел безопасную лавочку неподалеку от тротуара. Когда Николетт устроилась у него под боком, таская засахаренные орешки из теплого бумажного кулька, они выглядели как счастливая парочка, решившая погреться на солнышке.

— Ты говорила, что можешь читать ауры, если сосредоточишься, но скорее всего ты можешь также искать конкретные эмоции в толпе. Это может быть полезным, если находишься в группе людей и хочешь почувствовать, кто по каким-то причинам настроен агрессивно.

— Что мне нужно искать? — тихо спросила Николетт.

— Этого я тебе сказать не могу. Мой наставник говорил, что у каждого это происходит по-разному. У каждого своя манера чувствовать ауры, и то, что ты видишь красным, он может видеть зеленым. Я знаю одну ведьму из Калифорнии, которая слышит ауры как музыку, а не видит их цвета.

Николетт прикусила губу. Она никогда не заморачивалась классификацией цветов, которые она видела в аурах. Куда важнее были ощущения, которые у нее вызывали эти чувства. Она решила поискать людей, которые казались ей красными, и позволила взгляду просканировать толпу. Но вместо того, чтобы вычленять людей, казавшихся красными, она то и дело сосредотачивалась на одном человеке и переходила к следующему. Никто из них не казался в достаточной степени красным, а когда она присмотрелась повнимательнее, стало очень сложно определить, что же она чувствует. Чем сильнее она старалась, тем сильнее начинала нервничать. Себастьян ждал, пока она разберется, а она не справилась. В ней всколыхнулся старый страх. Он сдавил горло, заставляя задыхаться.

Как будто почувствовав ее расстройство, Себастьян ласково положил ладонь на ее плечо.

— Не загоняй себя в состояние стресса. Слушай, попробуй что-нибудь другое. Расскажи мне какое-нибудь хорошее воспоминание.

Первым делом на ум пришло то, как Себастьян выиграл для нее кулон, как уложил ее в поле и целовал так, будто весь мир может рухнуть, если он не будет целовать ее. Кулон лежал в ее трейлере, надежно спрятанный в ящике с нижним бельем, и она никогда не забудет поцелуй. Николетт покраснела и попыталась вспомнить что-то другое.

— Эм, в четвертом классе я выиграла школьный конкурс на знание орфографии.

— Правда? — тон Себастьяна был далек от насмешки и звучал искренне.

— Ага, я уделала всех, произнеся по буквам «антимоний».

— Звучит здорово, — сказал он с легкой улыбкой. — Ты помнишь, какую радость испытывала, как гордилась собой?

— Ага...

— Ладно, закрой глаза и подумай об этом чувстве. Вспомни, как стояла перед всеми этими детьми и понимала, что знаешь орфографию лучше, чем они.

Николетт широко улыбнулась, но сделала, как просил Себастьян. Она помнила, какую гордость испытывала, как радовалась за нее ее мама. Это было до того, как мама заболела, задолго до того, как она умерла. Тогда они были маленькой счастливой семьей, и мама поставила медаль на видное место на каминной полке.

— Вспомни, какое тепло ты ощущала. Вспомни, как хорошо тебе было.

Она помнила. В тот день она была гордой и счастливой. В тот день она была в безопасности.

— А теперь очень медленно открой глаза, Николетт. Не сосредотачивайся ни на чем. Не беспокойся о том, чтобы что-то увидеть, или о необходимости выполнить для меня задание.

Она сделала, как он сказал, и ахнула от изумления.

В толпе точками мелькали люди с ярким бронзовым сиянием над их головами. Этот нимб распространялся лишь на нескольких людей, и ахнув, она едва не потеряла их из виду. Но потом сосредоточилась, и они вновь сделались заметными. И в этом не было ничего спорного, она могла найти их так же просто, как выудить белый шарик из кучи черных шаров.

— На кого ты смотришь? — прошептал Себастьян.

Николетт медленно произнесла:

— На того маленького мальчика, который несет огромную мягкую игрушку. На ту девушку с розовыми волосами. На женщину за прилавком с засахаренным миндалем. У них всех есть этот изумительный бронзовый нимб.

Себастьян хихикнул.

— Ну, как скажешь. Думаю, ты нашла в толпе всех, кому сейчас чертовски хорошо.

Николетт поморгала, чтобы избавиться от следов этого бронзового свечения, и посмотрела на Себастьяна.

— Это... это было легко, — неуверенно сказала она.

— Давай попробуем еще раз. На какой эмоции хочешь сосредоточиться в этот раз?

Николетт внезапно вспомнила женщину, с которой говорила накануне, женщину, вокруг которой как будто собралась тихая печаль.

— Не знаю, как описать, но думаю, что хочу сосредоточиться на сожалении, грусти.

Себастьян кивнул.

— Попробуй. Думай о том, что заставляет тебя грустить.

Николетт импульсивно взяла его за руку и закрыла глаза. В своей жизни она успела познать горе и боль, но вместо этого подумала о той пожилой женщине. Она подумала о хорошо прожитой жизни с кем-то любимым. Она подумала о потере этого любимого человека, и как после первого периода горя в мире остается лишь глубокая неумолимая пустота. Боль не была острой, но она буквально высасывала силу из самих костей.

Ее глаза распахнулись, и поначалу Николетт решила, что ей ничего не удалось. Теперь она видела множество аур, раскрашенных во все оттенки радуги. Одним из людей, которых

выделил ее дар, стал молодой и привлекательный уличный музыкант с длинными дредами и смуглой, очень смуглой кожей. Он заигрывал с толпой, наигрывал жизнерадостную мелодию на скрипке, а аура его была окрашена в насыщенный цвет индиго. Однако присмотревшись получше, Николетт заметила ту же тусклость, что и в ауре той пожилой женщины. Его аура была прекрасной, дарила ощущение свежей креативности и жизни, но поверх всего этого лежала патина печали.

— Что ты видишь?

— Думаю, я вижу печаль, — тихо сказала она. — Некоторые люди носят ее с собой, наслаивая ее поверх всех остальных эмоций. В ауре этих людей присутствует масса всего другого, но все перекрывают их печаль и сожаления.

Себастьян вздохнул, и Николетт показалось, будто его рука на секунду сжала ее ладонь.

— Боги, а ты быстрая, — сказал он. — Уже два раза в яблочко.

— Я хорошо справляюсь? — изумленно переспросила она.

— Это не моя специализация, — признался Себастьян. — Но судя по тому, что говорил мне учитель, да, ты справляешься отлично.

Николетт застенчиво рассмеялась.

— Вацек всегда говорил, что я удручающе медлительна.

— Вацек ошибался, — Себастьян покачал головой, как будто избавляясь от остатков злости из-за ее ситуации. — Я обучаю тебя, и говорю тебе, что ты справляешься здорово.

— Что мне делать теперь? — спросила Николетт, заметно осмелев, и мрачная гримаса Себастьяна сменилась улыбкой.

— Сделай это еще пару раз. Только теперь ищи эмоции, которые могут означать опасность. Кто-то, испытывающий злость, или, возможно, кто-то, подверженный безрассудству и отчаянию.

Николетт послушалась и тут же рассмеялась.

— Что?

— Ну, ты сказал «безрассудство». И сейчас единственный человек, настроенный безрассудно — это тот парень со скейтбордом.

Себастьян улыбнулся.

— Хороший знак. Продолжай работать, но не слишком утомляй себя. Важная составляющая хорошей работы — это умение взять нужный темп и знать, когда пора отдохнуть. Ты никогда не поможешь ни себе, ни другим, если уработаешься до бессознательного состояния.

Николетт серьезно кивнула, и следующий час или около того она практиковалась под мягкое подбадривание Себастьяна. Раньше никто и никогда не наблюдал за тем, как она работает над своими навыками. Никто не помогал ей, не подсказывал и не подстраховывал. И вместо напряженности и страха, которые она испытывала при работе с Вацеком, она чувствовала себя так, как когда-то в школе — когда все удавалось. Она сталкивалась с вызовом и преуспевала.

Она поработала над злостью и некоторыми другими эмоциями, когда ей на ум пришел тот прекрасный золотистый цвет, который она видела в ауре пожилой женщины. К тому моменту Николетт уже не сомневалась, что он означал любовь, и с сожалением отметила, как редко он встречается. Она как раз начала сосредотачиваться на этом цвете, когда у Себастьяна зазвонил телефон. Он выглядел сначала ошеломленным, а потом огорченным.

— Ничего, если я отойду, чтобы ответить на звонок? Возможно, разговор тебе помешает

и отвлечет.

Николетт кивнула, и Себастьян немного отошел. Она не нуждалась в лишнем напоминании о том, чем он занимался, о том, что это лишь кратковременная договоренность, но она выбросила это из головы. Завтрашний день сам о себе позаботится.

Николетт сосредоточилась на том золотистом сиянии. Очищенное от патины сожалений и печали, оно светило как само солнце. Она помнила, что чувствовала, наблюдая за той прекрасной женщиной в платье, танцующей с мужчиной, который разделил с ней всю жизнь. Ее глаза открылись, и к ее счастливому удивлению в толпе обнаружилось несколько золотистых проблесков.

Женщина, расписывавшая лица красками, обладала этим золотистым сиянием, и молодой подросток-латиноамериканец в скейтерской одежде. Две пожилых женщины, шагавших рука об руку с сумками на плече, светились особенно ярко, а потом Николетт посмотрела налево.

Себастьян все еще говорил по телефону, и вокруг его головы, смешиваясь с отчетливым сапфировым цветом, который она трактовала как смелость, сиял чистый и прекрасный золотой.

— Тебе больше заняться нечем, кроме как запрашивать отчет? — раздраженно спросил Себастьян.

— Извини, Себастьян, — слова Стефана прозвучали с некоторым сожалением, но Себастьяна это далеко не устраивало. — Но когда в деле замешаны тамплиеры, мне хочется держать тебя в курсе. Хотя ты, похоже, не хочешь делать то же для меня.

Себастьян специально промолчал, и Стефан вздохнул.

— Когда ты в прошлый раз звонил, что-то в твоём голосе заставило меня провести разведку. Да, все отчеты из того района говорили, что все чисто как стеклышко, но казалось, будто ты думаешь иначе, вот я и провел разведку.

— И?

— И теоретически все еще чисто.

— Теоретически?

— Там нет организованной активности тамплиеров, но Салемский ковен потерял колдуна в это время года в прошлом году.

— Потерял? И что это должно значить?

— Исчез, испарился в воздухе. Жив-здоров в один день, на следующий день ушел. Люди переживают стресс, злятся, все время уходят, но люди ковена считают, что случилось другое.

— Его мог устранить рыцарь тамплиеров?

— Я бы сказал, что такая возможность определенно существует. Имея дело с тамплиерами, мы обычно сталкиваемся с такими вещами как рейды. Эти ублюдки хуже саранчи. Когда они нападают группами, нам приходится укрывать посевы, точнее, держать внутри колдунов и ведьм, какую бы метафору ты ни предпочел.

— Стефан.

— Слушай, у меня нет ничего конкретного. Но путешествующие в одиночку тамплиеры — вещь пренеприятная, поскольку опять-таки, они выглядят совершенно обыкновенно. И если мы имеем дело с отдельно взятым тамплиером, в одиночку убивающим ведьм? Что ж, это плохо.

Себастьян скрипнул зубами. Он помнил мужчину, которого прогнал из шатра Николетт, когда только познакомился с ней. И его мучила мысль о том, что он мог позаботиться об угрозе прежде, чем она вновь нависнет над Николетт.

— Вчера я большую часть дня охотился.

— Ха, я знаю, что ты чего-то не договариваешь. Что ты нарыл?

— Ничего. Пока ничего. Я официально запрашиваю разрешение остаться и охотиться, пока не найду его.

— Не могу тебе этого разрешить.

Себастьян едва сдержался, чтобы не зарычать в телефон.

— Кто, черт подери, дал тебе это право?

— Командир. Ситуация накаляется. Всем отдан постоянный приказ доставить ведьму, которая находится на их попечении, под прикрытие ковена и сообщить об этом. Тамплиеры, похоже, вновь собираются, и Командир считает, что они замышляют большую атаку, достаточно большую, чтобы потребовались почти все силы Корпуса.

Неделю назад Себастьян с радостью ухватился бы за возможность реального сражения с

войском тамплиеров. Он преуспел в поиске ведьм, но это всегда меркло в сравнении с военными действиями против исконных врагов виккан. Но теперь, когда Николетт оказалась вовлечена, он заколебался.

— Я хочу больше времени, — сказал он наконец. — Неделю. Дай мне хоть что-нибудь.

— Ведьма возвращается с тобой?

Себастьян мог бросить трубку, мог разговаривать со Стефаном довольно резко, но он знал, что не мог напрямую солгать мужчине, который по сути был глазами и ушами Командира.

— Нет, не возвращается.

— Тогда дело сделано.

— Стефан...

— Дело сделано, — повторил Стефан. — Нельзя помочь тем, кто не желает помощи, Себастьян. Посвяти остаток дня зачистке. Дай ей последний шанс. В грядущих событиях она может оказаться легкой мишенью. Если ты расскажешь ей об этом, возможно, она позволит тебе забрать ее к своим, но на этом все. Пойдет она с тобой или нет, ты должен вернуться.

Себастьян тщательно это обдумал.

— Я не могу.

— Черта с два, — все веселье испарилось из голоса Стефана. — Ты знаешь, ради чего действует Корпус, и ты знаешь, какими сокрушительными могут быть атаки тамплиеров. Мне жаль эту девочку, поверь мне, жаль. Мне жаль, что она оказалась с таким мудаком, как Вацек, и мне жаль, что она не доверяет тебе достаточно, чтобы вернуться. Но факты есть факты, и нам нужно, чтобы ты вернулся в ближайшие сорок восемь часов или даже раньше. Ты можешь поверить мне или сам услышать это от Командира.

Себастьян замолчал, и Стефан вздохнул.

— Мне жаль, что все должно быть именно так. Но мы друг друга поняли?

— Предельно четко.

Последовала долгая пауза.

— Извини за это, приятель.

— Ага, — Себастьян почувствовал, как его сердце сжалось. — И ты меня извини.

Николетт сомневалась, стоит ли сказать Себастьяну об увиденном. Она как раз открыла рот, чтобы упомянуть это, когда он подошел к ней, но потом увидела выражение его лица и съежилась внутри. Он был спокоен, но это спокойствие напоминало затишье перед тропическим штормом. Оно несло за собой ярость, и от этого в ее горле встала паника.

— Николетт, мне нужно, чтобы ты очень внимательно меня послушала. То, что ты делаешь, очень опасно. Это был Стефан, еще один член Корпуса. Разведка говорит нам, что тамплиеры активизировались. Я не знаю, придут они сюда или нет, но ситуация накаляется. Это значит, что те, кто сами по себе, окажутся в очень большой опасности. Даже большим группам тамплиеров нужен тщательный план, чтобы напасть на ковен. А с бродягами вроде тебя они не церемонятся.

— Я жила сама по себе долгие годы.

Он схватил ее за плечо, и Николетт вздрогнула, но в его голосе звучала паника, которой она не слышала ранее.

— Ты можешь не пережить это, — произнес он торопливым низким голосом. — С таким ты не имела дело ранее. Эти мужчины хотят тебе навредить, Николетт. Они могущественны. Они жестоки. И они не считают нас людьми. Они сломают тебя, убьют тебя. Пожалуйста, прошу, позволь мне доставить тебя в место, где тебя защитят.

Между ними повисла тишина, и Николетт попыталась найти в себе силы согласиться. Ее чувства к Себастьяну были глубокими и сложными, но страх превосходил все. Она помнила, как ее передали Вацеку, как она оказалась в ловушке с мужчиной, который должен был ее защищать, но сделал что угодно, только не это.

Николетт покачала головой, ощущая, как в горле вдруг встал комок.

— Я не могу.

Она думала, что Себастьян вновь попытается с ней спорить. Она боялась, что он разозлится, даже на виду у всех этих людей. Вместо этого он сделал шаг назад, и в его взгляде как будто что-то надломилось.

— У меня есть только два дня, — официальным тоном произнес он. — Остаток сегодняшнего и завтра. Но мне нужно собраться в дорогу. Перед отъездом я спрошу тебя еще раз, но после этого я ничего не смогу для тебя сделать, даже если захочу.

— Себастьян, я...

— Идем, нам нужно еще многому тебя научить.

Себастьян произвел бы впечатление на Николетт, не будь она настолько вымотана. Когда он сказал, что хочет научить ее чему-то еще, он имел в виду не просто магию. Он научил ее нескольких трюкам самообороны. Они поработали над тем, как можно скрывать свою ауру, чтобы ее сложнее было заметить. Он показал ей гаджеты, которыми пользуется Корпус, чтобы выслеживать людей, и как иногда их можно обдурить, если не оставаться на одном месте. Она слушала и внимала всему, что он ей давал, и всякий раз, когда ей казалось, что Себастьян разозлится на ее медлительность, он лишь хвалил ее решительность и навыки.

— Ты слишком снисходителен ко мне, — сказала она наконец.

Себастьян на ходу учил ее, как тренироваться в своих навыках, и она усваивала все с потрясающей скоростью.

— Почему ты так говоришь?

— Вацек называл меня идиоткой, — выпалила Николетт. — Он говорил, что я, видимо, специально торможу, потому что я не могла усвоить все, что он мне показывал. Значит, либо ты показываешь мне элементарные вещи, либо ты просто лжешь.

Себастьян резко остановился и повернулся к ней. Они стояли посреди оживленного тротуара, и люди чертыхались, когда им приходилось обходить пару, но Себастьян их проигнорировал.

— Николетт, я похож на монстра, злоупотребляющего насилием?

— Нет!

— Надеюсь, что нет. Потому что мне кажется, Вацек именно таким и был. Он был ужасным мужчиной и ужасным учителем. Не сравнивай меня с ним, потому что я предпочитаю думать, что я вовсе не такой.

— Кажется, я не понимаю.

Себастьян вздохнул и затащил ее в переулок, где они могли спокойно поговорить.

— Я хочу сказать, что все, что я тебе сегодня показывал, ты схватывала на лету и хорошо усвоила. Ты потрясающая, ты упорно работаешь, ты допускаешь ошибки, но потом поднимаешься и пробуешь заново. Если верить моему учителю, именно это характеризует хорошего ученика и могущественного виккана. Вот и все. Ты стойкая, сильная и потрясающая, и ты действительно чертовски хорошо справляешься.

Николетт нахмурилась, не понимая причин собственного упрямства.

— Но если я такая способная, как ты говоришь, ему бы... не нужно было...

Рык, зародившийся в груди Себастьяна, напоминал сердитые звуки, которые издают большие коты.

— Этому животному не нужен был повод, чтобы обращаться с тобой таким образом. Это я и пытаюсь показать тебе, это я говорю тебе прямым текстом. Он делал с тобой ужасные вещи, от которых любого хорошего виккана тошнило бы.

Николетт уставилась на него с огромным комком в горле. Она боялась, что если попытается заговорить, то тут же разревется.

— Поверь мне в этом, даже если не доверяешь во всем остальном. Вацек творил бесчеловечные вещи, и в конце концов кто-то перерезал ему горло за это. Поверь мне, никто об этом жалеть не стал. Ты изумительная, и если он говорил тебе что-то обидное, поверь, он делал это для того, чтобы причинить тебе боль.

Николетт почувствовала, как комок в горле растет, эти слова заставили ее уставиться на мужчину. Себастьян, очевидно, догадался, что что-то не так, потому что замолчал и обеспокоенно посмотрел на нее.

— Николетт?

— Он мертв?

Себастьян выругался себе под нос и кивнул.

Николетт почувствовала себя так, будто крышка ее черепной коробки просто открылась и улетела. Мир казался смутным, как будто она тонула или падала. Она заставила себя сосредоточиться и только тогда сумела вновь посмотреть на Себастьяна.

— Ты серьезно? Он мертв?

Себастьян кивнул, наблюдая за ней с беспокойством, и Николетт покачала головой.

Она все еще чувствовала себя так, будто лишилась опоры, поэтому прислонилась к кирпичной стене, а когда Себастьян подошел ближе и коснулся ее плеча, она положила голову ему на грудь.

— Николетт?

— О боже, он мертв, — прошептала она, и тогда хлынули слезы.

Она не понимала, почему плачет. Она не понимала, почему все ее тело сотрясалось, почему она цеплялась за Себастьяна, будто он был единственной стабильной вещью во всем мире. Она понимала, почему испытывает облегчение, но не понимала этого всеобъемлющего чувства печали или горя. Она не знала, почему ей хотелось смеяться, почему хотелось согнуться пополам и блевануть, почему ей просто нужно было рыдать и рыдать.

Руки Себастьяна обхватили ее, и он прижал ее ближе к себе. Она смутно осознавала, что он гладит ее по спине и целует в лоб. Постепенно она взяла себя в руки.

— Прости, — прошептала Николетт.

— Это я должен извиняться. Должно быть, ужасно было узнать все так.

— Он был ужасным человеком, не знаю, почему я так отреагировала.

— Ты скорбишь.

Голос Себастьяна прозвучал тихо и низко, и Николетт скептически уставилась на него.

— Но он был ужасным человеком, — сказала она.

— Ты скорбишь по тому, что потеряла, по тому, кем он должен был для тебя стать. Если бы он выполнил свою работу, обращался с тобой с подобающим милосердием, все было бы иначе.

После этих простых слов Николетт начала в это верить. Если бы Вацек оказался другим, добрым мужчиной или хотя бы менее жестоким, все было бы иначе. Она не путешествовала бы с бродячим цирком. Она бы намного дальше продвинулась в изучении своих способностей. Она бы никогда не подумала, что ее силы могут ограничиваться тем, чем она довольствовалась столько лет.

— Николетт, послушай меня. Вацек вел себя неправильно, и если ты ничего другого от меня не примешь, прими хотя бы эту мысль, хорошо? Все было бы абсолютно иначе, если бы твоим учителем стал кто-то другой.

Хоть Николетт кивнула, и они вернулись к работе, ее не покидала мысль обо всем том, чего она была лишена. В параллельной вселенной существовала версия Николетт, которая никогда не убегала. Возможно, эта версия встретила Себастьяна. Возможно, искры между ними вспыхнули без следа страха или недоверия.

Они работали над ее способностями, и когда Себастьян не мог помочь, поскольку его

собственный дар сильно отличался, он возмещал это, слушая, как она объясняет ситуацию, и предлагая решения. Она заметила, что за день его телефон звонил несколько раз, и хоть Себастьян останавливался и смотрел на экран, он никогда не брал трубку. Наконец, когда опустился вечер, они вернулись в безопасный дом, заказали китайскую еду и уселись со списком имен и адресов.

— Ладно, давай по новой. Назови хозяев и хозяек Чикагских ковенов.

— Гарольд Фремонт, Дилан Чо, Умберто Питерс и... и... — Себастьян ждал, но Николетт лишь беспомощно уставилась на него. — Я... я не помню.

— Хелена Бюшон. Хорошо, теперь адреса.

Николетт уронила голову на стол.

— Не думаю, что смогу это сделать, Себастьян. Я не воспользуюсь этими адресами.

— Все равно запомни. Это самый безопасный способ получить информацию. Скажи мне адреса.

Каким-то образом Николетт откопала их в своей памяти и озвучила. Она сумела запомнить адреса в Атланте и Сиэтле, но потом все стало напоминать плавание в пудинге.

— Я правда, правда не знаю, что еще помню.

— Сделаем перерыв, — неохотно сказал Себастьян. — Посмотрим, что останется в твоей памяти после ужина.

Они поели в тишине, и наконец с губ Николетт сорвался вопрос, который мучил ее весь день.

— Во время сражения с тамплиерами с тобой все будет в порядке?

Себастьян выглядел ошеломленным.

— В смысле?

— Они опасны. Все это твердят, и ты тоже говорил об этом. Тамплиеры опасны для меня, но опасны ли они для тебя?

Себастьян издал короткий невеселый смешок и вместо ответа вытащил рубашку из брюк. Он указал на толстый зарубцевавшийся шрам, пересекавший его туловище, начиная с бока и заканчиваясь под пупком.

— Этот шрам оставил мне тамплиер вскоре после Гражданской войны, — сказал Себастьян. — Я был беспечен, неосмотрителен, и тут откуда ни возьмись тамплиер, пытающийся меня выпотрошить.

Николетт задрожала от того, как спокойно он это рассказывал. Себастьян опустил рубашку и покачал головой.

— Они очень опасны, Николетт. Когда кто-то посвящает каждый момент своего существования тому, чтобы уничтожить тебя, всю твою жизнь и все, что тебе дорого — это опасно.

— И Корпус — та сила, которая им противостоит?

— Есть и другие, но я не уверен, что кто-то занимается этим с такой же преданностью и организованностью, как мы. Ковены имеют свою оборону, некоторые способны посрамить Форт Нокс. Эти сражения больше напоминают осады, и если не происходит ничего действительно плохого, тамплиеры предпочитают сражаться, когда у них есть преимущество.

— Так тамплиеры склонны сражаться с солдатами Корпуса вроде тебя?

— И с отшельниками вроде тебя. Да.

— Зачем?

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем ты сражаешься с ними? Ну то есть, ты силен, ты бессмертен или почти бессмертен, так зачем сражаться, когда можно оставить это позади?

К ее удивлению Себастьян улыбнулся почти тоскливо.

— Потому что я создан для того, чтобы защищать других, — тихо ответил он. — Каких-то триста семьдесят пять лет назад я прожигал жизнь в Амстердаме. Отец хотел, чтобы я занялся семейным бизнесом, а меня просто больше интересовали попойки и кутежи. Мой учитель нашел меня, и ему пришлось целую неделю убеждать меня в том, кто я такой. Я двигаю землю, знаешь ли, но благодаря сочетанию выпивки и отрицания я это успешно игнорировал, — он на мгновение умолк, отрешенно глядя перед собой. — Он пытался убедить меня, что моя жизнь таит в себе нечто большее, чем то, что я вижу перед собой. А потом он сдался, сказав, что должен кому-то помочь.

Николетт села, с раскрытыми глазами слушая историю Себастьяна. Тяжело было видеть в подтянутом серьезном мужчине мальчика с дикими глазами, который разрушал сам себя. Но это была история Себастьяна, и она не была уверена, сколько людей удостоилось редкой почести услышать ее.

— Шутки ради я решил последовать за ним, и мы со всех ног помчались в Дрезден. Там молодой парень нажил себе серьезных проблем. Он провел ночь с любовницей, а когда проснулся, начал исторгать огонь. Любовница его выдала, вмешалась церковь, и его должны были казнить.

— Но ты спас его?

Улыбка Себастьяна просияла как солнце, и у Николетт перехватило дыхание. В этом мужчине еще жила искорка того дикого мальчика. Она представляла себе, каким он мог выглядеть, когда обрел дело своей жизни.

— Мы его спасли. Мы забрали его оттуда и нашли место в ковене в Мантуе. Теперь он учитель. Потрясающе владеет магией стихий, и его просто обожают ученики, тяготеющие к огню.

— Ты выглядишь счастливым, — тихо сказала Николетт.

— Я не могу спасти всех, — так же тихо ответил Себастьян. — Но я спас его.

Николетт показалось, будто она может видеть тени всех тех людей, которых Себастьян не сумел спасти. Он уже добавил ее в этот список. Это ужасно сказалось на нем, и Николетт не могла этого вынести. Так что она сделала единственное, что могла придумать. Она обошла стол, и когда он не поднял взгляда, она взяла его за подбородок и приподняла голову.

— Николетт?

Она не могла пойти с ним, а он не мог остаться с ней. Она ничего не могла ему сказать. Вместо этого она опустила голову, чтобы коснуться его губ своими. Когда его руки опустились на ее узкие бедра, чтобы притянуть ближе, Николетт знала, что по крайней мере у них есть это. Поцелуй длился и длился, нежный и сладкий. В нем звучало прощание, но присутствовала и любовь, но это можно было оплакать позднее. Она чувствовала напряжение в его плечах, и когда она оборвала поцелуй, Себастьян посмотрел на нее своими отчаянными светлыми глазами.

Он заговорил, но Николетт прижала палец к его губам. Она не хотела больше слушать споры, которые невозможно было разрешить. Она лишь хотела его, и мгновение спустя он кивнул.

Себастьян лизнул ее палец, и Николетт задрожала. Она медленно просунула пальчик

между его губ, двигая им туда-сюда. Изнутри его рот был точно мягкий горячий бархат, и от умелых движений его языка кровь хлынула по ее венам обжигающим потоком. Это было прекрасно, но она хотела большего и потому отстранилась.

Поднявшись на ноги, Себастьян взял ее за руку и отвел в спальню, закрыв за ними дверь. Кровать, казалось, тянулась на несколько миль, и когда Себастьян стянул с нее платье, Николетт ничего не хотелось так, как прилечь на эту кровать.

Он устроил ее на матрасе и быстрыми уверенными движениями снял с нее лифчик и трусики. На лугу все сводилось к страсти и наслаждению, но здесь, в роскошной постели, Николетт вдруг засмушалась. Она всегда была худенькой девочкой, которая выросла в долговязую женщину. Николетт невольно задалась вопросом, что подумает о ней мужчина, у которого были столетия на постельные утехи. Но явное удовольствие на лице Себастьяна быстро стерло все подозрения о том, что его что-то не устраивает.

Он опустил на колени рядом с ее обнаженным телом и нежно провел по нему руками. От плеч до бедер, от бедер до лодыжек и обратно, как будто он пытался запомнить ее тело. Когда Себастьян погладил ее щеки тыльной стороной ладоней, Николетт вздохнула, а он уже тянулся к ее волосам.

С безграничной заботой он распустил ее волосы, разложив их как темный плащ, а потом его пальцы принялись массировать кожу головы, заставляя Николетт мурлыкать от удовольствия. Его сильные пальцы путешествовали по ее телу, избавляя от напряжения, которого она даже не осознавала, и когда он закончил, она так же провела своими руками по его телу.

Она потеряла его одежду, и с молчаливой покорностью, возбуждавшей Николетт, Себастьян стянул с себя все. На мгновение он выглядел таким же нервничающим. Она обняла его, пытаясь без слов сказать, что нечего стыдиться, что никогда не нужно ничего стыдиться. Она заставила его лечь на спину, заметив, что при этом его мужское достоинство приподнялось. Она оценила его длину рукой, чувствуя, как он затвердевает и увеличивается. Когда она оставила его в покое, Себастьян игриво застонал, но лег спокойно, когда она легонько шлепнула его по бедру.

В темноте Николетт не видела, насколько он покрыт шрамами. Толстый шрам на боку оказался только началом, и она видела, как сказались на нем столетия сражений и войны. Она провела пальцем по узкому шраму на бедре, и когда Себастьян ахнул, она повторила движение. Она хотела сказать ему, что есть какая-то особенная красота в отметинах, которые он получил, защищая других и препятствуя вреду, который им могли нанести. В нем было столько силы, столько смелости, чтобы пережить то, через что он прошел.

Николетт едва осознавала, что творит, когда опустила голову, чтобы проследить языком его шрамы — сначала тот, который он ей показал, потом тот узкий на бедре. Одна его рука стиснула простыни, а вторая коснулась ее лица. Николетт задрожала от нежности этого жеста. Она знала, что несмотря ни на что, этот мужчина будет жить в ее сердце до конца ее дней.

Она сосредоточилась на том, чтобы как можно больше коснуться его, а когда Себастьян потянулся к ней, она уложила его руки обратно вдоль туловища. Она хотела его всего, хотела дать ему наслаждение, которого он заслуживает.

Из любопытства Николетт потерлась щекой об его твердый член, заставляя Себастьяна застонать, а когда она провела языком по длине пениса, все его тело содрогнулось. Она хотела большего, но тут его руки оказались на ее плечах, заставляя ее лечь на него сверху.

Умоляющий взгляд Себастьяна сказал ей, что он больше не выдержит, и она с улыбкой потянулась к прикроватной тумбочке.

Она знала историю виккан. Ее силы пробудились, когда она впервые занялась сексом. Однако первый незащищенный секс с представителем ее рода пробуждал потенциальное бессмертие, дремавшее в каждом из них. Некоторые виккане желали этого бессмертия, другие от него отрекались. Это находилось у нее под носом — дар, который Себастьян несомненно позволит ей взять, но Николетт осознала, что не может. Что-то ее сдерживало. Вместо этого она раскатала тонкую латексную защиту по члену Себастьяна. Она не знала, кого защищает — себя или его, но знала, что не может сейчас об этом думать. Вместо этого она перебросила одну ногу через его бедра и, протянув руку, чтобы удержать его член на месте, начала опускаться.

В такой позе он ощущался крупнее, чем в ту ночь на лугу, и прикусив губу, Николетт заставила себя не торопиться. Его рука на ее бедрах направляла ее, и Николетт уперлась обеими руками в его грудь. Лишь долгое мгновение спустя она смогла принять его полностью. Они оба застыли абсолютно неподвижно. Себастьян протянул руку, чтобы коснуться ее лица, и жест оказался таким нежным, что она могла бы заплакать. Но вместо этого она перенесла свой вес плавным круговым движением, и они оба застонали.

Николетт упивалась своей властью. Она приподнялась и вновь насадила на него. Движение было медленным и плавным, и она сомневалась, что когда-либо в жизни испытывала такое наслаждение. Она сделала это еще раз, и еще, а потом Себастьян как будто сорвался.

Хватка его рук на ее бедрах усилилась, и она почувствовала, как ее поднимают и вновь насаживают. Изумленно раскрыв глаза, Николетт осознала, что он достаточно силен, чтобы запросто поднять ее, и застонала от удовольствия. Одна рука принялась ласкать клитор, и наслаждение собралось в низу ее живота.

Николетт решила посвятить эту ночь молчанию, но вскоре осознала, что шепчет себе под нос «пожалуйста, пожалуйста, ох, пожалуйста». Она не знала, о чем просит, но Себастьян видимо знал, входя в нее с такой силой, что перехватывало дыхание. В их соитии было что-то яростное, но в то же время не лишнее странной нежности.

Николетт хотела всего этого мужчину, она хотела всего без исключения, но пропасть между ними была велика как никогда. Вместо этого она могла лишь цепляться за него, заставляя их тела сливаться в совокупном наслаждении, и отдавать ему все свое сердце и тело на то короткое время, что было в их распоряжении.

Издаваемые им звуки лишь подстегивали ее и посылали мурашки по позвоночнику. Его нужда в ней граничила с первобытностью, берущей начало из жестоких лет скитания по миру. С каждым толчком, с каждым ударом они приближались к самому центру своей сущности. Они раскрывались друг перед другом абсолютно по-новому. Возможно, она должна была испугаться, но вместо этого приветствовала эти перемены. Она стремилась к его наслаждению и своему собственному. Она нуждалась в нем и знала, что получит его лишь этой ночью. Они никогда больше не окажутся вместе, и она знала, что никогда этого не забудет.

Судороги наслаждения начали сотрясать ее тело, и Николетт понимала, что скоро сорвется. И все же она держалась, мучительно желая большего и своими движениями умоляя его кончить вместе с ней, рухнуть вместе с ней.

Себастьян вошел в нее последний раз, напрягаясь всем телом и проливаясь в нее, и

Николетт наконец позволила себе присоединиться к нему. Оргазм накрыл ее точно океанская волна, увлекая с собой и перехватывая дыхание. Он длился и длился, и единственное, что связывало ее с землей — руки Себастьяна на ее бедрах. Когда к ней вернулось зрение, они все еще были соединены самым интимным образом. Николетт лежала на Себастьяне, и на ее губах играла улыбка. Дымка этого наслаждения будет преследовать ее с этой ночи, куда бы она ни пошла и с кем бы ни выбрала идти.

Николетт осторожно слезла с него, но на большее сил не хватило. Она плюхнулась рядом с ним, а когда Себастьян встал, она запротестовала, но не сумела предпринять ничего больше. Мгновение спустя он снова оказался рядом, и она замулькала от удовольствия, когда он провел по ее телу теплым полотенцем. Николетт перекадилась на спину, слегка раздвинув ноги и позволяя очистить ее более тщательно, а когда он закончил, она устроилась в его объятиях.

— Боги, я люблю тебя, женщина.

Николетт застыла, услышав эти слова. У нее на языке вертелось то же самое, но она уже знала, что произошедшее между ними останется клеймом на ее душе до конца ее дней. Она не могла вынести еще одной цепи, и поэтому промолчала.

Спустя долгое мгновение Себастьян вздохнул и прижался к ней всем телом. Они идеально подходили друг другу, совсем как на том лугу. Несмотря на все проблемы, все горе и боль, стоявшие между ними, Николетт чувствовала, как успокаивается всего лишь от того, что он ее обнимает.

— Я люблю тебя, — прошептала она, и Себастьян замер.

— Тогда идем со мной.

Вот так, жестко и открыто, и ей захотелось всхлипнуть.

— Я не могу.

Себастьян молчал. Не существовало ответа, который он мог дать, который мог ее переубедить, и поэтому было лишь молчание.

Конечно же он почувствовал, когда она сонно заворочалась. Сотни лет боевого опыта сделали его слишком чувствительным к любым движениям вблизи. Когда Николетт выскользнула из его рук, Себастьян тут же проснулся.

Он хотел позвать ее обратно. Он хотел схватить ее и затащить обратно в постель. Может, они бы еще раз занялись любовью, может, просто обнимали бы друг друга. Он мог бы сказать, что ей слишком рано уходить. Он мог бы сказать много всего.

Вместо этого он просто наблюдал сквозь щелочки приоткрытых глаз, как она одевается в предрассветном свете. Зеленое платье, в котором она была вчера, Николетт повесила на спинку стула и оделась в футболку и шорты. В этом было нечто настолько окончательное, что Себастьяну хотелось кричать, но он держал рот на замке. Он столетиями вел себя тихо при любых обстоятельствах, но не думал, что будет настолько тяжело сдерживать себя, когда она одевалась буквально в футе от него.

Себастьян видел ее сомнения и понимал, что она не заметила его пробуждения. Николетт подошла ближе, и он задержал дыхание на те бесконечные секунды, что она смотрела на него.

Останься, подумал он. В другом мире он, возможно, унизился бы до мольбы этим самым единственным словом. *Останься, и мы сделаем, как ты захочешь. Я буду защищать тебя до конца своих дней, и доставлю тебе лишь удовольствие, лишь радость.*

Обостренные чувства Себастьяна уловили ее дрожь. Как будто услышав его мысли, Николетт протянула к нему руку. Себастьян оставался абсолютно неподвижным, пока она касалась его волос, потом щеки, плеча и груди. Прикосновения были легкими, как крыло бабочки, и инстинктивно он понял, что Николетт пытается его запомнить. Его жизнь внезапно показалась невыносимо длинной.

Наконец эта нежная пытка закончилась, и Николетт запечатлела нежный поцелуй на его губах. На вкус она была приятной, правильной, и Себастьян изо всех сил сдерживался, чтобы не вскочить, не поймать ее и не заставить остаться.

— Прощай, любовь моя, — прошептала Николетт и развернулась.

Дверь закрылась за ней с решающим щелчком, и Себастьян наконец-то сумел сесть. Поначалу ему этого совсем не хотелось, но целая жизнь, полная дисциплины, не позволила бы ему валяться в постели и упиваться своим горем. Он коснулся губ кончиками пальцев, как будто ее поцелуй все еще горел. За долгие столетия он целовал многих женщин, и думал, что некоторых из них любил, но теперь он уже не был так уверен. Теперь любовь имела вкус Николетт, любовь ощущалась как ее тело в его объятиях, любовь выглядела как ее смелая улыбка.

Холод пронизал его до самых костей, и Себастьян сомневался, удастся ли ему когда-нибудь согреться. Он отбросил эту мрачную мысль и направился на кухню, чтобы запустить кофеварку. Надвигалась война, в которой нужно будет сражаться. Вчера он целый день игнорировал Стефана. По опыту он знал, что жизнь не делала пауз ни для удовольствия, ни для боли.

Пришло время вернуться к реальной жизни. Пришло время двигаться дальше.

В цирке был редкий выходной, и в результате там было почти пусто, когда вернулась Николетт. Все готовились уехать на следующий день, и хоть завтра обещало суету сборов и переезда, утро было тихим.

Николетт мечтала о дне, полном суетливых клиентов и возбужденной толпы, в которой можно затеряться. Опустошенный цирк задел в ней какие-то глубинные струны, и она задалась вопросом, не пора ли двигаться дальше. За последние несколько лет она так часто переезжала, что путешествия с цирком не сильно изменили ее жизнь. Поскольку Николетт не заключала контракта, она меньше зависела от руководства, чем артисты и работники большого шатра. Пока она держала трейлер в приемлемом состоянии, она могла покинуть цирк через несколько дней.

Николетт задумалась о маршруте переезда, потому что это было проще, чем думать о Себастьяне. Она была перед ним в огромном долгу. Она знала, что он нарушил правила просто потому, что позволил ей остаться самой по себе. Что он провел целый день, тренируя ее и помогая ей расти, что вовсе не входило в его должностные обязанности.

Нет, это не долг, это любовь, прошептал предательский голос разума, и как только эта мысль пустила корни, Николетт уже не могла этого отрицать. Хотя эти слова и были сказаны в агонии страсти, они были правдивы. И даже если бы она не поверила, доказательство этого присутствовало в его ауре. Николетт всегда будет лелеять воспоминание о том золотистом сиянии вокруг его головы. Такое нечасто увидишь, и она не сомневалась, что если бы чтец ауры взглянул на нее саму, он или она увидели бы то же самое в ее ауре.

У Вацека было немало книг, и одна из них говорила, что аура истинной любви встречается редко. Возможно, один из пятидесяти человек хоть раз за всю жизнь испытывает это — и еще меньше людей способны сохранить это чувство. Они с Себастьяном обрели нечто особенное, и Николетт дрожала от осознания, что это осталось позади.

Ее мрачные мысли прервал Карас, приземлившийся на ее голову, а когда она не отреагировала сразу же, он бережно клюнул ее. С усталой улыбкой Николетт протянула голову и позволила своему питомцу усесться на ее запястье. Он ласково каркнул, а потом демонстративно завертел головой в разные стороны, как будто ища Себастьяна.

— Даже не начинай, — вздохнула Николетт.

Но она не сумела даже восхититься сообразительностью своего питомца. Иногда она гадала, зачем Карасу оставаться с ней, когда он мог исследовать весь мир. Но чаще всего она просто была благодарна за его компанию и безусловную преданность.

Николетт пересекла территорию цирка и направилась в свой шатер. Посетителей не было, но по крайней мере она могла собрать вещи для завтрашнего переезда. Жизнь с бродячим цирком ей подходила, и ей нравилось это место. Однако сердце и разум изнывали от какого-то беспокойства. Николетт почти добралась до шатра, когда Карас внезапно оживился. С истошными каркающими криками он сорвался с ее запястья и принялся летать над ее головой, пронзительно крича и угрожая ее оглушить.

Николетт взвизгнула от неожиданности и вскинула руку, чтобы защититься от своего питомца.

— Что на тебя нашло? — вскрикнула она.

Николетт нырнула в шатер, чтобы защититься от его паникующих взмахов крыльев. Темнота шатра сильно контрастировала с дневным светом, но она тут же осознала, что не одна. Николетт обладала развитыми инстинктами и не стала задаваться вопросом, что происходит. Вместо этого она развернулась и попыталась выбежать на улицу, но толстая рука схватила ее за талию и удержала на месте. Николетт раскрыла рот, чтобы закричать, но вонючая тряпка накрыла ее лицо. Она вспомнила приемы самообороны, которым Себастьян учил ее буквально накануне. Потом краем глаза заметила проблеск ауры мужчины прежде, чем весь мир завертелся. Последнее, что она унесла с собой во тьму — тошнотворное белое сияние с проблесками серого.

Во время охоты Себастьян путешествовал максимально налегке. Как и большинство солдат Корпуса, он возил с собой ножи, но обычно в багажнике своей машины он держал несколько комплектов темной одежды, бумажник и пару ботинок. Остальное предоставлялось безопасными домами, в которых он останавливался, или же он мог обойтись без этого.

Наступило утро, и он ответил на звонок Стефана, который дал ему координаты для рапорта и информацию о следующем задании.

— Как это выглядит? — на автомате спросил Себастьян, и Стефан вздохнул.

— Сложно сказать. Мы будем знать больше, когда ты выберешься оттуда и расскажешь нам все.

— Аа, — Себастьян скорчил гримасу и готов был повесить трубку, но Стефан его остановил.

— Что там произошло?

— Жаждешь слухов?

Стефан сухо усмехнулся.

— Едва ли. Скажем так, из всех офицеров Корпуса, которых я координирую, ты почти мечта. Ты отвечаешь, когда обещал ответить, ты не пропадаешь со связи. Ты выполняешь работу и приступаешь к следующему заданию.

— Но?

— Но вчера это напоминало попытки пробить кирпичную стену. Что произошло? Я могу спросить тебя сейчас как друг, или же когда ты придешь отчитываться, а я буду в униформе.

Себастьян стиснул зубы, но что хуже всего, он понимал, что Стефан прав.

— Я подожду до отчета, — коротко ответил Себастьян. — Дело сделано. Миссия завершена. Вот и все.

— Не верю тебе, но поступай, как считаешь нужным, приятель.

Себастьян повесил трубку и покачал головой. Он хотел выбраться из Бостона. Он знал, что в будущем этот город станет для него закрытой книгой. Он не сможет смотреть на его улицы, не думая о ней. Но он не знал, сумеет ли это вынести, не имея возможности посмотреть на нее, коснуться ее.

Себастьян отнес сумку в машину и на мгновение задумался, почему так упорно это оттягивал. Солнце все выше поднималось на небе, и ему предстояло провести в дороге добрых восемь часов. И все же он ждал, хоть и не мог сказать, чего именно. Он потянулся сознанием к земле, простираясь вокруг и чувствуя шаги проходящих мимо людей. Их торопливая ходьба успокоила его, заставила открыть разум для жизней, проходивших мимо него.

Посмотрев в ярко-голубое небо, Себастьян почти не удивился, увидев кружащее над ним темное пятно. Карас хрипло и испуганно кричал. Себастьян быстро подставил птице запястье. Африканский ворон был цел и невредим, но распушил все свои перья, а звуки, которые он издавал, пугающе походили на плач ребенка, и от этого волосы на шее вставали дыбом. Себастьян тут же понял, что с Николетт что-то случилось. Фамильяры реагировали на состояние своей ведьмы или колдуна, и такое беспокойство со стороны животного

означало нечто серьезное.

Себастьян на секунду поколебался, но потом махнул рукой, подбрасывая Караса в воздух. Птица захлопала крыльями, чтобы удержаться на лету, а Себастьян залез в машину. На мгновение он засомневался, поймет ли ворон, чего он хотел, но через считанные секунды ворон полетел, устремляясь на запад, к краю города. Себастьян ехал как можно быстрее, страхи по поводу ускользнувшего от него тамплиера не давали ему покоя. Довольно могущественному тамплиеру пришлось держаться подальше целых двадцать четыре часа. Но теперь, похоже, худшие страхи Себастьяна воплощались в жизнь.

— Пожалуйста, пожалуйста, пусть с ней все будет хорошо, — прошептал он.

Он мог лишь молиться, чтобы Николетт продержалась до его прихода.

У Николетт кружилась голова, и открыв глаза, она почувствовала себя так, будто пытается выплыть сквозь многочисленные слои ваты. Поначалу она была сбита с толку. Она помнила, как находилась снаружи шатра. Она хотела собрать вещи перед завтрашним отъездом цирка. Но сейчас она не в своем шатре и не в цирке вообще. Попытавшись пошевелиться, она осознала, что связана по рукам и ногам. Внезапно она вспомнила, как на нее напали, и напряглась от страха.

— Она проснулась, — произнес мужской голос. — Как же ей не повезло.

Николетт попыталась повернуть голову, чтобы увидеть говорящего, но ей это не удалось. Хотя она и слышала потрескивание небольшого костра, поначалу было так темно, что она решила, что наступила ночь. Но когда глаза привыкли к полумраку, Николетт осознала, что находится в пещере. Она знала, что на окраинах Бостона находится система пещер. Она очутилась в них? Дрожь ужаса пробежала по ее спине. Если она не имеет понятия, где находится, никто другой ее точно не найдет.

— Кто вы? — позвала Николетт слабым голосом, эхом отдающимся в пещере. — Я знаю, что вы здесь.

Смешок мужчины прозвучал сально и противно. Массивную фигуру едва можно было заметить.

— Ведьмочка хочет знать, кто я. Вот дура. Разве олень спрашивает имя ножа, которым его вот-вот выпотрошат?

— Я не ведьма, — Николетт решила попытаться счастья. — Я всего лишь гадалка из цирка. Это только игры. Ну, знаете, карты и хрустальные шары...

Огромный мужчина внезапно вскочил и опустил массивную ногу ей на грудь. Николетт невольно вскрикнула. Резкая острая боль распространилась по всем телу. Николетт прерывисто вздохнула и вдруг осознала, что боль каким-то странным образом помогла сосредоточиться. Она обрубил густую пелену страха, и разум немного прояснился.

— Маленькая ведьма — врунишка. Как же ужасно, что она проклята, и вдобавок еще и лгунья. Крайне удручающе.

— Ты рыцарь тамплиеров, — тихо произнесла она. — Ты хочешь меня убить.

Мужчина неприятно рассмеялся.

— Я убью тебя, — сказал он, и голос его прозвучал омерзительно точным. — Ты скверна, которую нужно стереть с лица земли. Я воля, меч и возможность, которые это сотворят.

— Ты не обязан это делать, — сказала Николетт.

В ответ он снова ее пнул, в этот раз сильнее. Громкий хрип вырвался из ее легких, за ним последовала волна тошноты. На нее вдруг навалилась внезапная усталость, помутившая сознание. В какой-то момент ее посетила бессвязная мысль, что потом у нее будет огромный синяк. Но потом Николетт осознала, что никакого «потом» может и не быть.

Сосредоточься, сказала она себе.

Даже если сейчас она проживала свои последние мгновения на земле, она не желала провести их в панике. Отрицание не сослужит ей хорошей службы.

— Я не просто ведьма, — отчаянно заявила она. — Я личность. У меня были родители. Я... у меня есть планы на свою жизнь. Я влюблена.

Последнее предложение выскочило непроизвольно, но заставило мужчину помедлить.

— Влюблена, — повторил он, и слова его сочились злобой. — В майора Корпуса, который был в Бостоне.

Что-то в его тоне заставило Николетт желать забрать свои слова обратно. Но она не могла. Она могла лишь молчать и не говорить ничего более.

Он снова пнул ее, почти легонько, на самом деле лишь передвигая ее по грязи. Гортанный стон сдавил ее горло, она пыталась дышать ровно. Но чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, Николетт напомнила себе, что с Вацеком переживала и кое-что похуже. Она вспомнила холодное место, в которое отправлялся ее разум во время побоев. Эта способность самопроизвольно вернулась. Николетт выровняла дыхание, зрение прояснилось.

— Скажи мне, маленькая ведьмочка, ты его любишь?

Она уже это сказала.

— Да, — прошипела Николетт, надеясь оттянуть следующий удар.

— Он тебя любит? — она начала отвечать, но мужчина ее перебил. — Глупый вопрос. Конечно же нет, иначе он бы получше тебя защищал. Но ты все равно можешь с ним связаться, не так ли?

— Нет, — дрожащим голосом произнесла Николетт, едва сдерживаясь. — Он... он уже покинул город. Его вызвали, чтобы сражаться с другими. У него не осталось времени на меня.

— Это ложь.

В этот раз он схватил ее за волосы и так резко запрокинул голову, что Николетт взвыла.

— Он все еще здесь, — сказал он, — и ты выманишь его для меня.

— Я не могу, — прохрипела Николетт. — Он уже уехал!

— Лгунья!

Крик мужчины эхом отразился от сводов пещеры, и Николетт содрогнулась. Это был первый встретившийся ей тамплиер, но судя по тому, что ей говорили, все они были немного безумны. Рыцари тамплиеров славились своей силой и неуравновешенностью.

— Ты тоже поедешь. Ты найдешь его. Ты приведешь его ко мне. Я убью его, а тебя отправлю обратно в мир, блеять, как козу, ведущую стадо на убой.

— Но я...

— Такова сделка, ведьмочка, и со мной лучше не шутить. Найди колдуна. Приведи его обратно. А потом беги. Ты сможешь пожить своей жалкой ничтожной жизнью чуточку дольше.

— Нет.

На мгновение они оба застыли. Это слово слетело с ее губ кристально четко и мощно, как звук трубы.

Николетт всю свою жизнь прожила в тени. Она всегда был той, которая делает все необходимое. Она знала, как защитить себя, как выжить, и сейчас впервые осознала, что существуют вещи более важные, чем ее выживание. Она представила, как этот маньяк нависает над преданным Себастьяном, и ее как будто холодной водой окатили. Она не могла представить, что он пострадает еще сильнее, скорее уж она сама себя убьет. Ее вдруг пронзили угрызения совести. Она отказалась от того, чего так отчаянно желала, и рискнула его жизнью в сделке. Она посмотрела прямо в глаза своего похитителя и выплюнула со всей злостью, что только была в ней:

— Катись в ад со своим предложением, — презрительно произнесла она. — Я не веду переговоров с чокнутыми убийцами.

На долгое мгновение ее похититель застыл. Он как будто был сделан из того же камня, что и пещера вокруг них. Затем он встал и развел огонь посильнее. Теперь Николетт видела его лицо и в какой-то мере поразилась тому, каким нормальным он выглядел. Он был всего лишь крупным мужчиной среднего возраста. В своей толстовке и джинсах он был бы абсолютно незаметен на улицах любого города.

То ли тренировки с Себастьяном улучшили ее рефлексы, то ли близость смерти сделала ее экстрачувствительной, но Николетт видела и его ауру. Она подрагивала вокруг его головы, тот самый тошнотворно белый, смешивающийся с серым. Теперь она видела там еще и просачивающуюся красную ярость. Он покачал головой.

— Тебя нужно убедить, — тихо сказал он. — Понимаю. Но ты согласишься. Тебе придется, — Николетт покачала головой, не находя слов. Осталась лишь ее решительность. — Ведьмочка, тебе придется передумать.

Он улыбнулся, поднимая нож.

Николетт широко раскрытыми глазами наблюдала за его движениями. Блестящее лезвие отражало отсветы пламени.

— Так пой для меня, ведьмочка, — тихо сказал он, плашмя проводя лезвием по ее горлу и ловко скользнув ножом за ее ухо. Когда кончик лезвия замер на шее, невольная дрожь сотрясла все тело Николетт. — Пой, — прошептал он, медленно вдавливая нож.

Она закричала.

Карас сердито каркал, кружа вокруг входа в пещеру. Птица смотрела на Себастьяна, как будто спрашивая, чего он ждет. То, что это оказалась пещера, немного успокоило Себастьяна. Благодаря его силе это будет игрой на своем поле, но не для Караса.

— Оставайся здесь, понял? — сказал Себастьян, ткнув пальцем в сторону птицы. — Там тебе не место.

Фамильяры крайне умны, но могут быть непредсказуемы. Многие из них знали больше, чем их хозяева и хозяйки. А послушаются ли они приказа другого колдуна или ведьмы, зависело от воли случая.

И хоть Карас снова пронзительно крикнул, он уселся на дереве неподалеку. Его тяжелый взгляд сверлил Себастьяна, и Себастьян уловил намек. Он вытащил кинжал из ножен, раскрывая свое сознание, и вошел в пещеры.

Он почувствовал окружение, как только вошел. И от этого ощущения к горлу подступила тошнота. Было что-то нездоровое в этих стенах и потолке над головой. Веками вода проедала себе путь сквозь камень, ныне усеянный расселинами. Эта пещера искала возможности обрушиться, и для Себастьяна это было все равно что войти в горящий дом. Будь он моложе, он бы понесся вперед со всех ног, но теперь, когда на кону стояло так много, он вынужден был держаться настороже. Даже колдун, связанный с землей, может спровоцировать обвал. Тогда все будет потеряно.

Стиснув зубы, Себастьян двигался сквозь абсолютную тьму. Земля под ногами сделалась покатою, и вскоре он сумел различить шепот разговора. До него донесся мужской голос. И голос Николетт! Она все еще была жива, и его сердце воспарило. Он начал двигаться быстрее, но когда голоса зазвучали громче от злости, он лишь силой воли не дал себе перейти на бег.

Свет за изгибом туннеля отбрасывал дрожащие оранжевые тени, и на стене он видел два силуэта. Внезапно крик Николетт расколол воздух.

Отбросив всякую осторожность, Себастьян побежал.

Николетт тупо уставилась на волоски, которые лезвие срезало с основания ее шеи. Мужчина позволил им плавно упасть с его пальцев. Он собирался сказать что-то еще, когда из туннеля позади них раздался нечеловеческий рев.

— Убери от нее свои руки, тамплиер!

Себастьян ворвался в пещеру подобно силе самой природы. Он оттолкнул мужчину плечом, заставляя его отойти от распростертой на земле Николетт. Она с ужасом наблюдала, как тамплиер развернулся со скоростью урагана. Нож, который еще недавно использовался против нее, теперь был направлен на незащищенное тело Себастьяна.

Себастьян едва успел блокировать удар, но шаг за шагом он заставлял тамплиера удалиться от Николетт. Он совершал ложные выпады своим ножом — в лицо мужчины, живот и грудь. Но казалось, что тамплиер был столь же умелым и не уступал ни на шаг.

— Пришел за своей маленькой шлюшкой? — поддразнил мужчина.

Ответом Себастьяна стал яростный рев.

Сердце Николетт было готово выскочить из груди. Она не знала, что делать. Но она знала, что не может просто лежать там. И тут она осознала, что и не должна. Она вытянула шею, наблюдая за двумя мужчинами, сцепившимися в схватке. Если вытянуть ноги, она могла задеть тамплиера. Николетт извивалась на земле, стараясь подобраться ближе и не упускать его из виду. Секунды тянулись как часы, но тут она увидела представившийся шанс. Быстрым, но отнюдь не изящным движением Николетт изогнула все тело и ударила связанными ногами. Удар пришелся как раз на колено тамплиера сзади. Он рухнул с гневным криком.

Большого и не потребовалось. Как только мужчина упал, Себастьян сделал какой-то жест рукой, и вокруг тамплиера поднялся камень. Сама земля восстала, чтобы приковать мужчину к полу пещеры. Менее чем за секунду тамплиер оказался обездвижен надежнее, чем это могло сделать любое творение человеческих рук.

Мужчина пронзительно заорал, и на секунду Себастьян просто смотрел на него, но потом быстро метнулся к Николетт. В следующее мгновение он очутился возле нее на коленях. Его нож избавился от ее пут. Себастьян помог ей сесть и на один долгий момент просто крепко обнял.

— Спасибо, что ты все еще жива, — прошептал он ей в волосы. Николетт рассмеялась дрожащим смехом, чувствуя, как болит живот. — Идти сможешь?

Она кивнула, но попытавшись встать, обнаружила, что все еще находится под действием того, чем он ее одурманил. Весь мир пошатнулся. Но сильные руки Себастьяна поддержали ее, а потом и вовсе подняли в воздух. Она ощутила, как к ней прижимается его твердая грудь, и устало обвила руками его шею.

— Я держу тебя, — тихо произнес Себастьян, поворачиваясь, чтобы уйти.

— А что насчет него?

Позади них мужчина сыпал проклятиями и клялся, что убьет их обоих, но Себастьян не обращал внимания.

— Мы его оставим.

Без единого слова Себастьян пронес ее сквозь лабиринт темных ходов. Вскоре проклятья тамплиера доносились лишь слабым эхо. Тьма была такой непроницаемой, что

Николетт поразилась, что была без сознания, когда ее сюда заносили. У нее уже начинался приступ клаустрофобии, когда она увидела впереди проблеск света.

Когда они вышли на яркий летний денек, Николетт заморгала. Себастьян бережно опустил ее на траву, и знакомое карканье заставило ее поднять взгляд. Карас опустил на ее плечо.

Слабо улыбнувшись, она погладила Караса по груди.

С ошарашенным карканьем Карас сильнее стиснул ее плечо когтями, заставляя Николетт вздрогнуть. Мгновение спустя она почувствовала, что его напугало. Земля ощутимо дрожала, и с каждой секундой эта дрожь усиливалась. Неестественная тишина, укрывавшая местность, медленно и неумолимо переросла в рокотание, а потом и в рев.

Себастьян стоял лицом к входу в пещеру, спина напряжена, руки стиснуты в кулаки. Когда вход в пещеру начал обрушиваться, он зарычал так низко и громко, что Николетт вздрогнула. Рев земли резко умолк, а когда Николетт открыла глаза, пещера исчезла. Лишь глубокие острые изломы да трещины на новой поверхности земли указывали на то, что было здесь столетиями. После нескольких дождей и вовсе невозможно будет сказать, что здесь когда-то была пещера.

— Ты похоронил его, — дрожащим голосом произнесла Николетт.

Себастьян кивнул.

— Он был обречен с того самого момента, как коснулся тебя.

Себастьян медленно повернулся к Николетт, и она пристально посмотрела на него. Столько эмоций быстро сменили друг друга на его лице. Ярость, беспокойство, облегчение и... что же это было в конце, любовь? После всего того, что она сделала? На глаза навернулись слезы, и она потянулась к нему.

— Себастьян, — тихо прошептала Николетт, и его имя прозвучало как молитва.

Он опустил перед ней на колени, беря обе ее руки в свои ладони.

— Николетт, — начал Себастьян, но она мягко прижала палец к его губам.

— Нет, — торопливо проговорила она подрагивающим голосом. — Я была душой. Из-за меня тебя могли убить. Я не смогла бы жить с этим. Просто не смогла бы. Я не могу, — слезы полились сами собой. — Я не могу жить без тебя.

— Ох, Николетт, — пробормотал Себастьян, стискивая ее в объятиях. — Тебе не придется, — сказал он напряженно, одним движением подхватывая ее на руки и вставая. Его пронзительные глаза смотрели в самую ее суть. — Никогда.

Николетт наблюдала за закатом с балкона гостиничного номера. Чикаго был из тех городов, которые никогда не спят, но она находила успокоение в созерцании вида на озеро. Озеро Мичиган выглядело умиротворенным и чистым, и Николетт тоже попыталась успокоиться. Карас, которого город не интересовал, сидел на спинке кресла, приглядывая за ней и иногда тихо каркая.

Когда щелкнул дверной замок, Николетт тут же вскочила. Она оказалась в объятиях Себастьяна прежде, чем он успел закрыть за собой дверь.

— Ну привет, красавица, — сказал он, зарываясь лицом в ее темные волосы.

Николетт подстриглась, но оставила их достаточно длинными, чтобы прикрыть все еще заживающую рану на шее. Теперь волосы опускались ниже подбородка в слегка неровной стрижке боб. Она чувствовала свободу от их веса и долгих годов в бегах. И хоть она подумывала отрастить их обратно, в этом будет уже совершенно иное значение.

— Что они сказали?

Себастьян никогда не ходил вокруг да около. Он просто кивнул.

— Они сказали «да».

— Я могу ездить с тобой куда угодно?

— По моему выбору, да.

— Значит, на любую миссию, верно?

— Это значит «по моему выбору», — повторил он, широко улыбаясь.

Хоть месяц назад Николетт присоединилась к остальным ведьмам и колдунам, она большую часть этого времени проторчала в штабе. Пока Себастьян и остальные члены Корпуса Магов сражались с тамплиерами в Нью Мехико, Николетт кусала ногти и тревожно ждала любых вестей. Она буквально не могла спать все то время, что его не было. Когда Себастьян вернулся, она отказывалась выпускать его из постели добрых сорок восемь часов.

Потом Николетт попросила о встрече с Командиром. Удивившись, а потом разнервничавшись от того, что ей разрешили, она все же уверенно попросила всюду сопровождать Себастьяна. Командир сомневался, пока она не продемонстрировала свои способности в чтении ауры. Их польза при оперативной работе была неоспорима. После этого оставались лишь формальности официального одобрения. Не без удовольствия Николетт осознавала, что никогда больше не расстанется с Себастьяном. Однако ее улыбка померкла, когда она увидела его серьезный взгляд и слегка отстранилась.

— Что? Что такое?

Положив руки на ее плечи, Себастьян отвел ее к креслу, на котором устроился Карас, и усадил ее туда. Николетт с изумлением наблюдала, как он опускается перед ней на колени и достает маленькую бархатную коробочку.

— О, Себастьян!

— Николетт Эрлинг, когда мы только познакомились, ты сказала мне, что любовь имеет множество лиц. Однако я думаю, что для меня есть лишь одно лицо — твое. Ты окажешь мне честь стать моей женой?

Он открыл коробочку, и Николетт невольно раскрыла рот.

Внутри обитой шелком коробочки находилось прекрасное платиновое колечко, но вместо белого бриллианта посередине находился желтый бриллиант. Он был глубокого,

богатого золотистого оттенка. И подняв взгляд, Николетт увидела золотистое сияние вокруг головы Себастьяна.

— Да, — прошептала она. — О, Себастьян, да.

С широкой улыбкой он надел кольцо на ее палец и в следующую секунду уже поднял на руки и понес к постели.

— Это будет не самая простая жизнь, — предупредил ее Себастьян, опуская на пружинистый матрас. — Со мной далеко не всегда просто иметь дело.

— Если бы я хотела простого, я бы осталась с цирком, — ответил Николетт. — Ты то, чего я хочу. Ты тот, кого я хочу, и я хочу тебя навеки.

— Ты серьезно?

— О да.

С минуту Себастьян изучал ее взглядом, но потом его рот обрушился на ее губы. Теперь, зная его лучше, Николетт упивалась силой его мощного тела, нависающего над ней. Эта сила защищала ее, и ее собственные силы, все еще растущие и процветающие, были созданы, чтобы защищать его. Она с готовностью ответила на поцелуй и потянула его рубашку, чтобы снять ее через голову.

— Я хочу снять все это, — потребовала Николетт, задыхаясь. — Я не могу вынести, когда нас что-то разделяет. Ты нужен мне.

Себастьян разделся за считанные секунды, а потом его руки принялись за ее одежду. Николетт слышала, как грубо рвется ткань, но ей было все равно. Наплевав на все, она готова была принять дикость и любовь, которую они делили.

Но оставшись обнаженными, они остановились.

— Это навсегда? — тихо спросила Николетт.

Себастьян кивнул.

— О да, любовь моя. Навсегда.

Они торопливо и почти неуклюже касались друг друга. Каждый шрам на теле Себастьяна был драгоценен для Николетт. Поначалу она ненавидела их, ведь они символизировали боль. Но теперь она принимала их такими, как есть. Они были свидетельством того, как хорошо он умел выживать, как он берег себя для нее. С ходом времени она, скорее всего, обзаведется собственными шрамами. Но пока Себастьян с ней, ей не придется носить их в одиночку.

Поддавшись импульсу, Николетт уложила его на спину и принялась целовать его шрамы. Она начала с кошмарной полосы на боку и стала двигаться от одного к другому. Истории некоторых из них она знала. Об остальных узнает со временем.

Сначала Себастьян лежал спокойно, позволяя целовать себя, но секунды спустя она услышала его стон. Николетт улыбнулась и снова поцеловала шрам на правом бицепсе. Он был коротким и глубоким, что говорило об ударе, а не о скользящем ранении. Николетт провела по всей его длине кончиком языка.

— Каково это? — прошептала она.

Себастьян ответил не сразу.

— Чувствительно, — сказал он. — Какой-то участок кожи загрубел, но от этого кожа вокруг сделалась более чувствительной.

— Хорошо, — пробормотала Николетт и снова лизнула чувствительное местечко.

В конце концов, она принялась дразнить самый свежий, все еще розовый шрам, оставшийся от Нью Мехико. Это была царапина от вскользь прошедшей пули, но она

невольно задрожала от того, какому риску он подвергается. Если бы пистолет был нацелен всего на несколько дюймов левее...

Как будто почувствовав, что ее мысли пошли мрачной дорожкой, Себастьян сел.

— Ты слишком много думаешь, — хрипло прошептал он. — Беспokoишься. Позволь мне забрать часть твоего беспокойства, любовь моя.

Он кончиками пальцев провел по изгибам ее тела, дюйм за дюймом пробуждая ее кожу. В его руках Николетт чувствовала себе водой, плавной и умиротворенной. Но как только он так же невесомо коснулся чувствительных сосков и между разведенных ног, все ее тело потребовало его. Она хотела его так же сильно, как хотела дышать, но Себастьян лишь дразнил ее, снова и снова проводя по ней своими умелыми руками.

— Это пытка, — запротестовала она сквозь стиснутые зубы, и Себастьян издал едва слышный смешок.

— Так и есть, но конец уже близок.

Вместо того чтобы нависнуть над ней, Себастьян перекатил ее набок и прижался к ее спине. Николетт чувствовала попойкой его затвердевающее мужское достоинство, и его руку, тяжело опустившуюся на ее бок. Несколько долгих мгновений Себастьян довольствовался покусыванием ее шеи, играл с мочкой уха. Но потом его рука опустилась между ее ног.

— О!

Его пальцы с безупречной точностью нашли ее клитор, и всего несколькими умелыми нежными движениями он заставил ее вжиматься в него. Николетт не понимала, то ли ей хочется прижаться к его сводящим с ума пальцам, то ли толкнуться навстречу его твердому члену, но вскоре осознала, что выбора ей не давали. Она раскачивалась, пытаясь двигаться в колыбели его рук, но вскоре он сам застонал от ощущений.

— Себастьян, ты нужен мне прямо сейчас, — прошептала Николетт и шеей ощутила его согласный шепот.

Прикосновение его мужского достоинства заставило ее ахнуть. Она знала, что он остановился не ради презерватива. Этот шаг они решили сделать вместе. Для нее всегда будет лишь он. Навеки лишь он.

Удерживая ее бедра на месте, он вошел в нее одним плавным уверенным движением и остановился. Николетт чувствовала, как он наполняет ее. Как его хриплое дыхание касается нежной кожи ее плеча.

— Себастьян?

— Да?

— Не сдерживайся.

Эти слова как будто оборвали что-то в нем. Себастьян стиснул ее бедра едва ли не до синяков. Он вошел в нее до самого основания и вышел лишь для того, чтобы вонзиться вновь.

Николетт раскачивалась навстречу его движениям, упиваясь ощущениями его мускулистого тела и доверяясь ему, зная, что он не насладился бы ею, не доставив ей удовольствия. После нескольких жестких толчков его рука оставила ее бедра и нашла ее складочки. За считанные секунды его изумительные пальцы наполнили ее жидким огнем. Настойчивые и неустанные, они воспламенили ее изнутри. Нарастающее напряжение было почти невыносимым, и все же Николетт желала, чтобы это никогда не заканчивалось.

— Моя прекрасная Николетт, — прошептал Себастьян. — Моя навеки.

Властность его слов возбуждала, и Николетт раскрылась перед ним как никогда ранее, и когда ее накрыло удовольствием, она впиалась ногтями в его руку и выкрикнула его имя. Ее

оргазм прошелся по ней мощной волной, его интенсивность угрожала разорвать ее надвое, если бы Себастьян не удерживал ее. Ее легкие отчаянно боролись за воздух, пытаясь одолеть сокрушительную волну. Себастьян жестко вдавливался в нее сзади, тела ударились друг о друга, первобытный ритм нарастал и достигал кульминации. Себастьян яростно двигался, хрипел и стонал, пока его дыхание вдруг не сбилось. Все еще накрывая рукой ее бугорок, он прижал Николетт к себе и горячо пролился внутрь.

Преисполнившись друг друга, они застонали в унисон. Разрядка принесла с собой облегчение, тело обмякло, и Николетт закрыла глаза. Бедро Себастьяна непроизвольно сокращались, пока он проливался в нее, и вот наконец экстаз стих. Несколько долгих секунд тишину нарушало лишь их хриплое дыхание. Но пока Николетт пыталась взять под контроль вдохи и выдохи, ее накрыло внезапным осознанием: у них будут годы, десятилетия, столетия. Она открыла глаза и поняла, что на них навернулись слезы.

— Что? — с тревогой спросил Себастьян.

Бережно отстранившись, он перекатил ее на спину. Нахмурившись от беспокойства, он всматривался в ее глаза.

— Николетт, что такое? Откуда печаль?

Он невесомо провел большим пальцем, стирая влагу с ее щек.

— Не печаль, — прошептала она. — Счастье. Мы будем так счастливы вместе.

Себастьян улыбнулся, просияв глазами и своей золотой аурой.

— Навеки, — пообещал он, скрепляя клятву нежным поцелуем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net